

И.А. Быкова, Е.А. Нотина, В.Э. Улюмджиева

**ПЕРЕВОД
НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ**

Учебное пособие

**Москва
Российский университет дружбы народов
2018**

УДК 81'255(075.8)
ББК –7*81.2
Б95

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Рецензенты:

доктор педагогических наук, профессор *Л.Н. Талалова*;
кандидат филологических наук, доцент *Л.А. Уралова*

Быкова, И. А.

Б95 Перевод научной литературы по специальности : учебное пособие / И. А. Быкова, Е. А. Нотина, В. Э. Улюмджиева. – Москва : РУДН, 2018. – 88 с.

ISBN 978-5-209-08477-8

В учебном пособии рассматриваются теоретические и практические вопросы, раскрывающие сущность и закономерности перевода в условиях научной коммуникации.

Для аспирантов, изучающих основы теории и практики перевода научной литературы по специальности. Может быть использовано в курсе обучения переводу по программе «Переводчик» в четырех- и двухлетнем (ПСПК-интенсив) форматах в Аграрно-технологическом и Медицинском институтах.

УДК 81'255(075.8)
ББК –7*81.2

ISBN 978-5-209-08477-8

© Быкова И.А., Нотина Е.А., Улюмджиева В.А., 2018
© Российский университет дружбы народов, 2018

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития теории перевода характеризуется повышенным интересом к актуальным проблемам, которые разрабатываются в рамках когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации, семиотики и др., связанных с воздействием на процесс перевода особенностей языка, культуры и мышления человека и его умений функционально обобщать и представлять структуры знаний посредством категоризации и концептуализации в зависимости от специфики и ограничений, привносимых конкретным дискурсом и коммуникативной ситуацией.

В современном мире языки все шире используются не только для общения между членами одного языкового коллектива, но и в процессе межъязыкового общения, при котором в акте коммуникации участвуют коммуниканты, использующие разные языковые системы.

Изучение теоретических и прикладных аспектов переводческой деятельности предусматривает знакомство с общими чертами, присущими переводу как особому типу языкового посредничества, различными аспектами, раскрывающими его лингвистические, психологические и когнитивные механизмы, факторами лингвистического и экстралингвистического характера, обуславливающими трудности при переводе и пути их преодоления в условиях научной коммуникации.

Целью настоящего учебного пособия является ознакомление аспирантов с основополагающими понятиями теории перевода, многообразием подходов к переводческой проблематике, раскрывающих междисциплинарный статус теории перевода и ее связи с семиотикой, когнитивной лингвистикой, социо- и психолингвистикой, компаративистикой и др.

В учебном пособии дается краткое изложение теоретических проблем, связанных с понятиями адекватности и эквивалентности, переводимости и инварианта в переводе; излагаются причины, вызывающие необходимость осуществления трансформаций в переводе в условиях научной коммуникации. В приложениях приводятся тексты оригиналов и переводов в различных комбинациях языков в рамках специальностей Аграрно-технологического и Медицинского институтов РУДН; модель переводческого анализа научного текста на примере англо-русской комбинации языков; темы докладов и сообщений; тесты; краткий словарь переводческих терминов.

ГЛАВА I

СУЩНОСТНЫЕ ПРИЗНАКИ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРЕВОДА

Теория перевода рассматривает перевод как «гигантский естественный лингвистический эксперимент, в ходе которого языки и их элементы сопоставляются, приравниваются, заменяют друг друга в процессе общения... как особый вид функционирования языков, специфический способ их речевой реализации...» [Комиссаров, 2007: 5].

В рамках отечественной школы переводоведения учеными и исследователями перевода с мировым именем создана доктрина, которая позволяет изучать, анализировать и описывать сквозь призму когнитивных, семантических, прагматических, стилистических факторов, а также общеязыковедческих предпосылок не только моделирование перевода как процесса, но и всей сложнейшей проблематики, характерной для изучения этого многогранного феномена, включая «норму» перевода. Выдающийся ученый, теоретик и практик перевода В.Н. Комиссаров особо подчеркивает тот факт, что «большинство исследований ориентировано на один из главных компонентов межъязыковой коммуникации: исходный текст (оригинал), процесс перевода, текст перевода и рецептор перевода, для которого он предназначен. Работы, ориентированные на оригинал, исходят из предпосылки, что главная задача перевода заключается в наиболее полном воспроизведении исходного текста. Их авторы пытаются определить теоретические возможности и практически

достижимую степень близости текстов оригинала и перевода с учетом различий в соответствующих языках и культурах, а также типа переводимого текста, цели перевода и характера предполагаемого рецептора. Главной проблемой... является разработка и применение объективных методов сопоставления структуры и содержания текстов на разных языках» [Комиссаров, 1999: 7].

«Презумпция коммуникативной равнозначности возникает каждый раз, когда текст создается как перевод и используется в качестве такового» [Комиссаров, 2004: 53]. В этой связи особое значение приобретает телеологическое определение перевода (гр. *telos /teleos/* – наука о целях), которое сформулировал В.Н. Комиссаров: «Перевод – это вид языкового посредничества, при котором на другом языке создается текст, предназначенный для полноправной замены оригинала в качестве коммуникативно равноценного последнему» [Комиссаров, 2004: 53].

Выдающийся ученый и теоретик отечественной науки о переводе, автор социо семиотической концепции перевода А.Д. Швейцер характеризует перевод как один из сложнейших видов речевой коммуникации, который представляет собой многомерный и многоаспектный процесс, детерминруемый множеством языковых и внеязыковых факторов. «В их число входят система и норма двух языков, две культуры, две коммуникативные ситуации – первичная и вторичная, предметная ситуация, функциональная характеристика исходного текста, норма перевода... Исходя из вышеперечисленного, перевод определяется как: во-первых, как *однонаправленный и двухфазовый процесс* межъязыковой и межкультурной коммуникации, при которой на основе *подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст)*,

заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде, и, во-вторых, как процесс, характеризуемый установкой на *передачу коммуникативного эффекта первичного текста*, частично модифицируемый *различиями* между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [2009: 205].

Среди *сущностных характеристик перевода* особо следует выделить тот факт, что «перевод – не только речевой акт, но и акт взаимодействия двух культур, при котором изначальная ситуация порождения исходного текста проецируется на вторичную ситуацию переноса этого текста в другой язык и в другую культуру. Этим, в частности, объясняется **междисциплинарный статус теории перевода**, ее тесные связи с контрастивной лингвистикой, социолингвистикой, психолингвистикой и семиотикой» [Швейцер, 2009: 205]. Теория межкультурной коммуникации опирается на концептуальные основы перевода *i.e.* опосредованной межъязыковой межкультурной коммуникации.

Перевод и научная коммуникация

Опосредованная форма межкультурной коммуникации, как известно, заключается в наличии в коммуникативной цепочке промежуточного звена, посредника, функции которого может выполнять человек (переводчик) или техническое устройство. От компетентности языкового посредника зависит эффективность коммуникации. Несмотря на бурное развитие компьютерных технологий, машинный (компьютерный) перевод не может заменить переводчика-человека. В настоящее время такой способ перевода может использоваться лишь для получения общего представления о теме и содержании текста.

«Процесс перевода... начинается с целенаправленной («переводческой») интерпретации исходного текста и не сводится лишь к созданию вторичного текста. **Однонаправленность процесса перевода обусловлена асимметрией отношений между первичными и вторичными текстами. Отсутствие взаимодозначных отношений между оригиналом и его переводом**, необратимость процесса перевода подтверждается практической невозможностью точно воссоздать оригинал при «обратном переводе».

Если говорить о детерминирующей роли таких *языковых и внеязыковых факторов*, как межъязыковые различия (**на уровне системы, нормы**) и функциональные доминанты текста, межкультурные различия (на уровне культурных традиций и норм перевода) и различия между коммуникативными ситуациями (на уровне коммуникативной интенции и установки на получателя), то они могут быть отражены обобщенно – как различия между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [Швейцер, 2009: 75].

Известно, что в условиях двуязычной опосредованной коммуникации (перевода) возрастает опасность недопонимания текста перевода вследствие межкультурного характера общения. Адресат текста на языке перевода не сможет полностью понять сообщение, если не обладает достаточными сведениями о материальной и духовной жизни исходной культуры. И в первую очередь это относится к первичному получателю информации – переводчику.

Переводной текст, в котором переводчик не учел лингвосоциокультурные аспекты коммуникации, связанные с несовпадением языковых картин мира отправителя и получателя информации, воспринимается как неестественный: грамматическая корректность не может восполнить идиома-

тичность оформления и коммуникативно-прагматические нормы построения самого дискурса на языке перевода («так не говорят и не пишут»).

«Языковые и внеязыковые детерминанты перевода образуют ряд взаимосвязанных фильтров, определяющих стратегию перевода. Центральное место здесь принадлежит *тексту*, который является точкой приложения сил, исходящих от детерминантов перевода, и в то же время сам **детерминирует первичную и вторичную коммуникативные ситуации**. При этом не все детерминирующие перевод факторы получают эксплицитное выражение в тексте. Важную роль играют в этой связи *пресуппозиции и импликации*, опирающиеся на *фоновые знания интерпретатора* и формирующие *подтекст*» [Швейцер, 2009: 205].

В контексте опосредованной научной коммуникации необходимо исходить из следующего положения: «В классификации исходных текстов на основе прагматического фактора научные тексты рассматриваются как тексты, предназначенные для обладателей определенных *фоновых (экстралингвистических, энциклопедических) знаний*, общность которых является необходимым условием адекватного восприятия сообщения как при внутриязыковой, так и при межьязыковой коммуникации» [Нотина, 2004: 24].

Следует особо отметить в этой связи, что перед теми, кто изучает язык конкретной науки, научный стиль речи на родном языке, предстает иная картина мира, отличная от той, в которой реализуется разговорная речь, что непосредственным образом связано с научной и языковой картинами мира.

Научная картина мира (НКМ), как известно, стремится к адекватности отражения объективного мира, которому не тождественна, поскольку познание бесконечно. Научное знание о мире непрерывно развивается, происходит постоянный

пересмотр, дополнение, коррекция каких-либо постулатов, появляется новое знание и традиционные термины наполняются новым содержанием. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что НКМ универсальна для всех языковых сообществ. Научные знания объективны, не зависят от специфики языка и менталитета, традиций, морально-этических норм, культуры в целом того или иного народа.

Национальная научная картина мира (ННКМ) – *это инвариант научного знания о мире в языковом оформлении конкретного национального языка*. Необходимо отметить, что национально-языковое оформление НКМ существует при наличии соответствующей научной традиции. При ее отсутствии содержательный инвариант оформляется в языковую оболочку того языка, на котором осуществляются приоритетные разработки в той или иной области знания или языка-посредника.

Национальное языковое оформление НКМ может быть полным, фрагментарным или отсутствовать вообще, в зависимости от того, когда и на каком языке осуществлялось первичное накопление знаний в данной области, на каком языке изначально формулировались базовые понятия, сложились ли на этом языке собственная научная школа и научные традиции. При условии существования научной традиции в том или ином языковом социуме *язык науки обязательно имеет национальное языковое оформление*.

Специфика языковой картины любого языка раскрывается как на фоне языковых картин других языков, так и на фоне общего для всех инварианта научного знания. Конечно, знание и первоначальная форма его фиксации нераздельны, поскольку изначально оформление инварианта происходило с помощью национального языка, поэтому разделение содержательного инварианта научного знания и языковой фор-

мы его выражения в определенной степени условно. Вместе с тем, следует заметить, что научная картина мира получает в каждом национальном языке свою национальную форму выражения, иначе говоря, национальная научная картина мира – это национальное оформление единой, общей для всех научной картины мира.

Язык науки (той или иной ее отрасли) может представлять собой симбиоз нескольких национальных языков: языка, на котором происходило формирование основ этой науки, и языка той или иной нации (например, греческий, латинский языки в медицине).

Переводчик всегда сталкивается с проблемой восприятия и переработки чужого ментального содержания. В идеальной ситуации языковой посредник должен равно принадлежать бытию разных культур. Практическое значение для переводчика имеет положение о том, что *в разных языках и культурах концептуальные системы не совпадают.*

Концептуальная система автора, получая вербальное выражение, участвует в порождении текста. Аналогичный процесс наблюдается при порождении текста переводчиком, однако в этом случае процесс коммуникации имеет усложненный характер: переводчик, являясь первичным получателем и вторичным отправителем информации, должен вербализировать ее в рамках концептуальной системы той лингвокультурной общности, на язык которой он переводит, иначе говоря, переводчик, получая концептуальную информацию на исходном языке, *должен представить ее в рамках концептуальной системы языка перевода.*

Разные языки обладают собственной логикой, по-разному членят окружающую действительность. Поэтому главной задачей является передача смысла, который вкладывает в сообщение языковая личность, обладающая культурно

обусловленной ментальностью, картиной мира и системой ценностей.

Концептуальные основы перевода

Понятие «перевод» отражает широкий спектр явлений. Создание теоретических основ науки о переводе осуществлялось с позиций различных направлений, в рамках которых исследовались фундаментальные проблемы переводоведения, сущностные характеристики перевода и его онтологическая картина.

Концепция Романа Якобсона, сформулированная в его знаменитой статье «О лингвистических аспектах перевода» (1959), представляет особую научно-теоретическую значимость и в настоящее время.

Основные постулаты его концепции имеют непреходящее значение для перевода *per se* и демонстрируют актуальность подхода в контексте единой *семиотической концепции*:

1. Значение вербального знака представляет собой перевод в другие знаки, более полно эксплицирующие это значение. Отсюда следует, что любое преобразование одних знаков в другие – это перевод. Таким образом, перевод оказывается важным лингвистическим явлением.

2. Значение знака может быть переведено в другие знаки того же языка, в знаки другого языка или знаки другой невербальной системы. Отсюда следует различать *три вида перевода: внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотический*.

3. При всех видах перевода значение исходного знака или сообщения не полностью совпадает со значением знаков (сообщения), интерпретирующих его. Отсюда следует, что эквивалентность перевода оригиналу не означает тождественности их содержания.

4. Эквивалентность содержания при наличии определенных различий – это основная проблема языка и языкознания. Любое сопоставление двух языков подразумевает изучение *их взаимопереводимости* [Комиссаров, 2004: 223].

В.Н. Комиссаров особо подчеркивал эвристическую ценность вывода Р. Якобсона о том, что **«языки отличаются друг от друга не тем, что они могут выразить, а тем, что в них обязательно должно быть выражено»** [2004: 223].

Впервые понятие «внутриязыковой перевод» было предложено американским исследователем Романом Якобсоном в контексте семиотической концепции интерпретации значений и семиотического понимания перевода сквозь призму интерпретации вербального знака путем транспозиции в другую систему знаков. Ученый выделяет *три вида перевода*:

«1) *внутриязыковой перевод, или переименование*, – интерпретацию вербальных знаков с помощью других знаков того же языка;

2) *межъязыковой перевод, или собственно перевод*, – интерпретацию вербальных знаков посредством какого-либо иного языка;

3) *межсемиотический перевод*, или трансмутацию, – интерпретацию вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем» [Швейцер, 2009: 69].

Перевод принято рассматривать как коммуникативный акт, эффективность которого определяется наличием *«соответствия между передаваемым и воспринимаемым мыслительным содержанием»*. Отсюда следует, что общим для всех видов коммуникативных ситуаций, опосредуемых с помощью перевода, является стремление переводчика воссоздать тот коммуникативный эффект, на который рассчитан оригинал, или, иными словами, коммуникативную установку (ин-

формативную, экспрессивную, эмоциональную, побудительную), лежащую в основе первичного текста» [Швейцер, 2009: 74].

Ключевые понятия перевода

Для обоснования подхода к *ключевым* понятиям перевода – *эквивалентности, адекватности, инвариантности, переводимости* – ученый предлагает семиотическую типологию уровней эквивалентности, основанную на функциональной типологии, предусматривающей выделение функциональных доминант текста, в рамках которой прагматический уровень занимает главенствующее и доминирующее положение по отношению к семантическому (компонентному и референциальному).

А.Д. Швейцер формулирует свое понимание следующим образом: «Различные способы преодоления преград на пути к переводимости и различный характер этих преград сказываются на самой сущности *понятия переводимости*, на его отношении к *эквивалентности и адекватности*» [2009: 100]. Выдающийся теоретик предлагает проводить разграничение понятий «эквивалентность» и «адекватность» таким образом: «...если понятие *эквивалентности* связано в первую очередь с воспроизведением коммуникативного эффекта исходного текста с учетом детерминантов первичной коммуникативной ситуации, то *понятие адекватности* ориентировано главным образом на соответствие перевода факторам, которые привносит вторичная ситуация. Если с точки зрения *эквивалентности* перевод предстает как *результат*, то для *адекватности* наиболее существенен его *процессуальный* аспект» [2009: 206].

Переводимость ученый рассматривает не как абсолютное понятие, а относительное: «...следует различать, с одной

стороны, *переводимость на уровне того или иного сегмента текста, а с другой – переводимость на уровне текста в целом*. ... Частичные потери, жертвы, приносимые во имя главной коммуникативной цели, – все это заставляет прибегать к *переводу на уровне частичной эквивалентности, но при обязательном условии адекватности переводческого решения*. При этом следует, однако, иметь в виду, что **принципиальная переводимость**, допускающая известные потери, исходит из того, что эти потери касаются второстепенных, менее существенных элементов текста, и предполагает обязательное *сохранение его главных, наиболее существенных элементов, его функциональных доминант*. В этом заключается один из ведущих принципов *стратегии перевода*» [Швейцер, 2009: 100].

В процессе перевода языковые значения фигурируют как переменные величины. *«Инвариантным в идеале остается именно смысл: смысл исходного текста, вкладываемый в него исходным отправителем; смысл, извлекаемый из этого текста анализирующим его переводчиком, и, наконец, смысл вторичного текста, интерпретируемого конечным получателем*. Разумеется, в реальной переводческой практике возможны отдельные смысловые потери, связанные, как правило, с прагматической установкой коммуникативного акта. Однако в данном случае мы для упрощения исходим из такой ситуации, когда прагматической установкой является передача смысла и когда прагматические фильтры не модифицируют передаваемый смысл. В тех случаях, когда мы говорим о *семантической эквивалентности исходного и конечного текстов*, имеется в виду **не эквивалентность значений, а эквивалентность смыслов**» [Швейцер, 2009: 115].

Таким образом, речевой контекст и ситуация общения создают условия для нейтрализации различий между нетож-

дественными значениями, иными словами, позволяют «использовать разные значения для *передачи одного и того же смысла*».

Для компонентного подуровня семантической эквивалентности характерны *структурные трансформации*, при которых преобразуется формальная структура высказывания, тогда как *конституирующий смысл набор сем остается неизменным*» [Швейцер, 2009: 206].

Трансформации

В отечественной школе переводоведения не только детально разработано само понятие переводческих *трансформаций*, но и подробно описаны в приложении к любой комбинации языков различные типы *межъязыковых преобразований (трансформаций)* в рамках существующих моделей перевода (ситуативной, трансформационной, семантической, психолингвистической, семиотической и др.).

Так, выдающийся российский языковед и исследователь перевода Л.С. Бархударов рассматривал трансформации в переводе как многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности («адекватности перевода») вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков [1975: 190].

А.Д. Швейцер отмечает, что «термин “трансформация” используется в переводоведении в метафорическом смысле... речь идет об отношении между исходными и конечными языковыми выражениями, о *замене в процессе перевода* одной формы выражения другой, замене, которую мы образно называем превращением или *трансформацией*. Таким образом, описываемые операции (переводческие трансфор-

мации) являются по существу *межъязыковыми операциями «перевыражения» смысла»* [2009: 118].

Разграничение понятий «смысл» и «значение» является базовым для отечественной школы переводоведения, выступает в качестве основы для преодоления общеизвестного тезиса неогумбольдтианцев о принципиальной непереводемости («переводятся не специфичные для конкретных языков значения, а заданные ситуацией смыслы»...набор сем, образующих то или иное значение, обычно варьируется от языка к языку). Однако это обстоятельство отнюдь не препятствует межъязыковой коммуникации, которая, как отмечалось выше, осуществляется не на уровне языковых значений, а на уровне смысла. Далеко не все семы оказываются одинаково существенными при описании той или иной конкретной ситуации. «Контекст как бы “высвечивает” некоторые семы, выдвигает их на передний план, придает им первостепенную важность. Именно эти актуализированные семы формируют смысл данного высказывания» [Швейцер, 2009: 117].

Основной причиной **трансформации** подуровня *семантической эквивалентности* «является неизоморфность структур исходного языка и языка перевода. Среди них выделяются следующие **типы преобразований**:

- замена одних морфологических средств другими;
- замена морфологических средств синтаксическими;
- замена одних синтаксических средств другими,
- и, наконец, замена грамматических средств лексико-фразеологическими.

Среди побудительных причин трансформаций на *референциальном подуровне* выделяются:

- избирательность языка по отношению к признакам внеязыковой действительности;

- расхождения в способах семантической интерпретации предметной ситуации;
- способы выражения коммуникативной структуры высказывания;
- стилистические факторы.

Основные типы трансформаций: гиперонимическая, гипонимическая, интергипонимическая, синекдохическая, метонимическая, метафорическая и различные комбинации этих типов» [Швейцер, 2009: 207].

К *прагматическим факторам*, приобретающим в процессе перевода особую релевантность, принято относить такие, как:

- **коммуникативная интенция отправителя;**
- **установка на получателя;**
- **коммуникативная установка переводчика.**

Для *трансформаций* на прагматическом уровне характерны:

- замены реалий и аллюзий их аналогами;
- уточняющие добавления;
- поясняющий (интерпретирующий) перевод, раскрывающий неясные для адресата пресуппозиции и импликации;
- различные виды переводческих компенсаций;
- замена одних стилистических средств другими.

Одной из проблем лингвистики текста, имеющих непосредственный выход в теорию перевода, «является **проблема связности текста**. Сюда относятся переводческие операции, направленные на сохранение тех связей, которые обеспечивают восприятие текста как единого целого – цепочек кореферентных имен, объединяющих анафорические и катафорические связи и др. Причиной трансформаций здесь является **отсутствие взаимодозначных отношений между выражающими эти связи языковыми средствами, рас-**

хождения в нормах текстообразования. Особую важность приобретает учет степени автосемантии или синсемантии отрезков текста. Для этого часто необходим учет лежащих в основе текста пресуппозиций, что требует привлечения широкого языкового и ситуативного контекста» [Швейцер, 2009: 207].

Стилистика текста оказывает решающее воздействие на *стратегию перевода* в частности, те ее разделы, которые касаются типологии текстов. Среди определяющих мотивов трансформаций можно выделить различия в соотношении книжно-письменных и нейтральных элементов текстов, различия в тональности, степени компрессии текста.

CHAPTER II

TRANSLATION: CONCEPTUAL UNDERSTANDING

SUMMARY

In the realm of scientific communication linguistic processing of information within knowledge transfer gives rise to issues that cannot be reduced to linguistic ones and becomes central to the development of a theoretical frame for cognitive and discursive researches within translation. Special significance of the interdisciplinary approach in this area of knowledge owes to the multi-faceted nature of human cooperation and communication that have as their pivot cognitive, cultural, and pragmatic aspects of communication processes.

«Mediated communication where two or more languages and cultures interact inevitably tends to raise complex issues, one of which – communicative equivalence and adequate conveyance of peculiarities of social and cultural experiences within processes of discourse *comprehension* and production – has given rise to significant developments and debates in translation theory in recent years [Bykova, Notina, 2017: 154].

According to Russian prominent linguists and researches of theoretical and practical aspects of translation, V.N. Komissarov, A.D. Schweitser, G.V. Chernov, G.V. Gak, Z.D. Lvovskaya, it is the ***differentiation between the concept of language meaning and the discourse sense one that constitutes the core of the conceptual tenets*** of the modern theoretical models in this area.

Translation itself can be considered as a *multidimensional phenomenon and multifaceted process* «determined by the system and norm of the two languages, the two cultures, the two communicative situations (the primary and the secondary), the referential situation, the functional parameters of the source text and the translation norm» [Schveitser, 2012: 212].

It is of special relevance in this context that pragmatic specificities of correlations between linguistic and cognitive structures can be crucial for processing of information, for the use of prefabricated knowledge or for creating a new one in order to ensure an adequate cognitive perception of both reality and the ways of its conceptualizing along with sense generation in target language within a given context of a mediated discourse.

«Linguistic and extralinguistic determinants of translation form a series of filters underlying **the strategy of decision making**. A major role is played by presuppositions and implications based on **background knowledge**» [Schveitser, 2012: 212].

A set of relevant categories in the experience of the participants of communication, a vast body of knowledge – regarding the world, particular objects and their possible or potential characteristics, the location, peculiarities of the communicative situation, including the core of the nature of linguistic sign, i.e. linguistic knowledge, – always stands behind a world...

Discourse correlates with a certain field of social practice – i.e. the world that leave traces on the comprehension and evaluation of acts and objects, and at the same time, the verbalization of the given qualification, **transforming the sense into an extralinguistic phenomenon** related to cognitive factors so that they become relevant within the *common or special*

knowledge and acquaintance with the communicative situation, etc. [Bykova, Notina, Singapore, 2017: 155].

«As distinguished from equivalence based on the reproduction of the communicative effect, *adequacy* stresses adaptation to factors arising from the secondary situation. While *equivalence* regards translation as *a result*, adequacy tends to view it as *a process*.

Translatability is treated as a relative concept. Essential translatability recognizes the possibility of partial losses not affecting the major elements of a text. Distinction is drawn between the translatability of text elements and that of whole texts» [Schveitser, 2012: 212].

Persisting in human mind, conceptual information has both *verbal and nonverbal forms*. The most general cognitive structures in different languages, having been formed in the course of human activity, acquire different realization in language nominations. The latter provide an actual, valid and effective access to the perception and exploration of the conceptual resources and conceptual diversity intrinsic to human activity [Bykova, Notina, Singapore, 2017: 155].

«In the course of translation linguistic meanings are variables. It is the *sense* determined by the *context and the situation that remains invariant*. The context and the situation make it possible to *neutralize the difference* between *non-identical meanings* and use the latter to convey the same sense» [Schveitser, 2012: 212].

Representing forms of cognition that reflect human perception of the world, language and culture constitute sign systems that code the same phenomena of reality though in a different way.

The interaction between language and culture in translation, certainly illustrates the necessity of certain modifications of the source text to be undertaken to ensure identical and equal understanding of the original text and the translation of the latter, as well as the adaptation thereof to the linguistic and ethnic communicative competence of the addressee in target language [Bykova, Notina, Singapore, 2017: 155].

«The componential sub-level of semantic equivalence is characterized by structural transformations changing the formal structure of an utterance *while the set of semes constituting its sense remains unchanged*.

These transformations include changes in the morphological structure, use of syntactic devices instead of morphological ones, changes in the syntactic structure, replacement of grammatical devices by lexicphraseological ones.

At the referential sub-level the motive forces are the selectivity of languages vis-à-vis the features of the extralinguistic world, differences in the structured of semantic fields, in the semantic interpretation of the referential situation, in the modes of presenting the functional sentence perspective, etc.» [Schveitser, 2012: 212-213].

In this connection the most prominent investigators who founded the principles of translation theory and practice and traced new tendencies within development of scientific thought in this area (see V. Komissarov, A. Schvéitser, G. Chernov, R. Myniar-Beloruhev, V. Gak, L. Barhudarov) note exceptional relevance acquired by the notion of presumption of inevitability of changes within translation process when motive forces and indications for the usage of procedures within the transformation of the sense system created by the author are analyzed and stress the need for encountering factors that predetermine the changes referred to above situating the process itself beyond the barriers

of relations between the languages [Bykova, Notina, Singapore, 2017: 264].

The basic types of transformations are

hyperonymic, hyponymic, interhyponimic, synechdochal, metonymic, metaphoric, etc.

The pragmatic factors include communicative intention, orientation towards the receptor and the translator's personality.

The transformations are

- replacement,
- addition,
- omission,
- explanatory translation
- and compensation.

The problems of text linguistics relevant to translation are primarily those of cohesions and text types» [Schveitser, 2012: 212-213].

SCIENTIFIC COMMUNICATION THROUGH THE PRISM OF TRANSLATION

«Communication represents a fundamental prerequisite for human cognition and perception of the world. The presence of the two or more systems, i.e. language systems, in mediated discourse opposes to the individuals' linguistic consciousness that can verbalize certain phenomena in a completely different way than in the source text or the target text, representing one of the impediments or stumbling blocks in the realm of translation. [Bykova, Notina, Singapore, 2017: 155].

In the definition of translation, given by the most prominent Russian linguists and researches of theoretical and practical translation aspects, provides the following description of the

phenomenon just referred to above: multidimensional and multifaceted character of the process of translation, the complex and contradictory character of the latter, and first of all, its main paradox that can be called «the double loyalty» of the translator – adherence to the «loyalty» to the original text or ST and adherence to the addressee and the norms of his culture [Bykova, Notina, Singapore, 2017: 155].

The vast sphere of translation process involves, along with others, variable historical, social and cultural data or events relevant within the cross-cultural communication, pragmatic factors regarding certain areas of knowledge, i.e. Landscape Architecture, Landscape Gardening, Veterinary Medicine, Medicine, Pharmacology, Stomatology, etc., covering all relevant features that ensure an adequate cognitive perception of both the reality and the ways of conceptualizing thereof within the frames of spatiotemporal categories.

It is notable that new approach to Semantics viewed in the light of cognitive paradigm as a part of Cognitive Linguistics gives rise to the problem of epistemic status of a lexical unit as a basic unit of language and the role of the latter in verbalization processes of cognitive information in discourse. In the realm of translation, the status referred to above is directly connected with the problem of sense actualization and sense interaction both in source language and target language.

Scientific interest to cognitive aspects of translation process has provided a new insight into a comprehensive study of the functional and semiotic potential of the multidimensional and multifaceted nature of translation that is traditionally considered in Russian school of translation theory «both as a speech act and as an act of cross-cultural communication» [Schveitser, 2012].

In this connection it is necessary to emphasize that cognitive specificities and peculiarities within dynamic interaction between

participants, participants' conceptual systems and cultures, along with the phenomenon of intertextuality acquire special relevance for the process of translation and its efficacy...

According to E. S. Kubryakova, prominent Russian researcher of Linguistics, for the scope of problems related to the representation of knowledge in human mind to be resolved, the dividing line is to be drawn between conceptual (i.e. mental) and purely semantic (i.e. linguistic) structures in order to demonstrate the essence of semantic components of a word *per se* and their impact on the real use of the word [3]» [Bykova, Notina. Cultural Concepts. Vienna, 2017: 52-53].

«Sense perception in linguistic communication is presumed to be merely the first phase of cognition, i.e. the understanding of links between concepts and notions in an utterance or in a text within their compatible grammar, lexical and semantic forms.

The understanding of utterance content with regard to subject area goes beyond the limits and forms of language competence forming part of subject knowledge, that is to say it embraces a field that is much wider than language competence.

Moreover, the differences in abilities to draw implicatures (inferences) when processing information with regard to language content of an utterance, especially when dealing with specific objects, phenomena or the whole situation expressed by means that best accord with proper conveyance of peculiarities of social, cultural or expert and competent experiences of a given professional community in SL and TL are determined, in first place, by subject knowledge and respective background presuppositions in combination with policultural space's cognitive peculiarities and the phenomenon of intertextuality that reflect pragmatic specificities of correlations between linguistic and cognitive structures that ensure precise cognitive perception

of the subject while defining the semantic variant in translation compatible both with pragmatic context of the situation and original associations in TL» [Bykova, Notina. Cross-linguistic and Cross-cultural interaction. Singapore, 2017: 264-269].

ГЛАВА III

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА НА ПРИМЕРЕ АНГЛО-РУССКОЙ КОМБИНАЦИИ ЯЗЫКОВ

Перевод текста подразумевает умение осуществлять переводческий анализ текста, а также применять переводческие приемы и трансформации. Структура и содержание текста, тип адресата на языке перевода определяют стратегию перевода, способы преодоления различного рода трудностей в переводе. В.Н. Комиссаров дает блестящий анализ процедуры переводческих действий и приводит окончательный вариант перевода предложений текста:

«FAO... LET THERE BE BREAD

1. A new excitement has been added to the queer race that Man has run against himself down through the ages, testing whether he can produce food fast enough to feed his fast-growing family.

2. In the past the race has never been a contest.

3. Never, in all the yesterdays since he clambered out of the primeval ooze, has Man the Provider caught up with Man the Procreator: there has been famine somewhere in the world in nearly every year of recorded history.

4. Even today after twenty centuries of Christian Enlightenment, half man's family goes hungry and vast numbers of them are actually starving to death.

5. Nevertheless, the race has suddenly grown closer, close enough to be charged with suspense.

6. For the Provider has latterly been getting expert coaching from the sidelines and, despite the fact that the Procreator, running strong and easy, is adding to his family at the unprecedented rate of nearly fifty million a year, the gap is steadily closing.

7. The coach responsible for this remarkable turn of events is the Food and Agriculture Organization, more familiarly FAO, a specialized Agency of the United Nations.

8. And for its achievements in this crucial contest it richly deserves two cheers.

9. Not least of all because when it comes to the categorical imperatives of eating, every quack can be an expert and, in consequence, FAO operates in an area where lunacy often passes for logic.

10. As its name suggests, FAO worries even more about the eater than about the farmer.

11. The emphasis is natural enough, for farmers (and fishermen and producers of food generally) comprise only about three-fifths of the world's gainfully employed; but we all eat and, hear FAO tell it, most of us eat wrong.

12. It was, indeed, out of concern for the well-being of eaters the world over that FAO was born.

13. First there was the calorie, invented in the 1890's by an American agricultural chemist named Wilbur Atwater.

14. Then came the vitamin, discovered in 1911 by a Polish-born American biochemist named Casimir Funk.

15. Calorie and vitamin together ushered in the wondrous era of nutrition, which, wigged and bearded as a science, got us all to thinking of our diet.

16. To the agricultural economists, however, nutrition was more than a science of diet; it was a signpost pointing the way to an economy of abundance.

17. *Thanks to nutrition, they considered, farmers could be spurred to greater production of selected crops, international trade would flourish, and all the world would eat better.*

18. *Throughout the 1930's they urged a "marriage of health and agriculture"; when the war came, with its urgent demand for bumper crops, they had their ideas already formulated» [2004: 375-376].*

Итак, следует отметить в первую очередь, что в ходе переводческого анализа текста переводчик формулирует его основную идею, а именно: в данном тексте речь идет о проблеме производства продуктов питания в мире и о положительной роли ФАО в этой области.

Как правило, название текста (статьи) принято переводить после того, как выполнен перевод всего произведения. В данном случае название текста может быть переведено сразу без каких-либо затруднений, используя прием аналогии – представляется целесообразным сохранить его в русском языке без изменений. Необходимо применить способ транскрибирования сокращения FAO (Food and Agricultural Organization) – ФАО, и в этой форме использовать как в переводе названия, так и в самом тексте перевода. Следует отметить неуместность многоточия в русском варианте перевода названия в силу того, что оно предваряет тезис, который провозглашает международная организация; в качестве более уместного варианта в данном случае можно предложить двоеточие «ФАО: ...». Воспроизведение в переводе дословно самого лозунга дает приемлемый вариант: «*Пусть будет хлеб!*». Вместе с тем, английское название содержит явную аллюзию на общеизвестную библейскую фразу: «*And the Lord said: Let there be light. And there was light*» (ср. «*да будет свет*»). Поэтому естественным будет выбор в пользу

стилистически мотивированного варианта аналогии: «*Да будет хлеб!*» «*ФАО: да будет хлеб!*» [2004: 381].

При переводе предложения №1 у переводчика также не возникнет значительных трудностей. Вместе с тем данное предложение дает возможность использовать его в целях иллюстрации поиска возможных вариантов перевода. Так, в первую очередь переводчик должен решить, какой будет синтаксическая структура предложения в переводе, так как в оригинале это сложноподчиненное предложение.

В.Н. Комиссаров предлагает в качестве одного из возможных вариантов попытаться сохранить элементы исходной структуры, но в таком случае «главная трудность будет заключаться в переводе главного предложения. Решение этой задачи складывается из трех этапов. Сначала переводчик решает, можно ли использовать в переводе структуру, аналогичную английской. В оригинале фраза построена с помощью глагола «to add» буквально: «Новое возбуждение было добавлено к состязанию» (слово «гонка» неприемлемо). Понятно, что так построить фразу по-русски нельзя. Поэтому следует попытаться описательно интерпретировать ее смысл. По-видимому, «добавление» эмоции к состязанию может означать, что теперь оно связано с эмоцией, вызывает ее. Теперь остается отыскать русские структуры, с помощью которых можно выразить эту мысль. Здесь возможны два варианта. Можно дать характеристику самому состязанию и сказать, что оно стало более напряженным или что борьба в нем обострилась. А можно описать ситуацию с точки зрения восприятия ее зрителями. Тогда возможны варианты типа: «состязание стало захватывающим или стало вызывать большой интерес» [2004: 382].

В процессе перебора вариантов перевода данного предложения следует также учитывать тот факт, что для характе-

ристики состязания использовано английское «*queer*», и в качестве возможного соответствия можно было бы выбрать русское «*странный*». С точки зрения полного воспроизведения смысла оригинала «оно представляется неудачным по двум причинам. Во-первых, стремление накормить род человеческий вряд ли можно назвать странным. Во-вторых, эпитет «странный» часто подразумевает негативную оценку явления, что опять-таки здесь неуместно. Более приемлемыми представляются варианты «*необычное*» или «*своеобразное*». Далее в оригинале дважды повторяется наречие «*fast*». Повторения русского «*быстро*» можно избежать: дело, видимо, не в том, чтобы производить продукты быстро, а чтобы их было достаточно. Так, например, «*Своеобразное состязание, в котором человек на протяжении веков выступал против самого себя, пытаясь производить достаточно продуктов, чтобы прокормить свою быстро растущую семью, стало теперь более захватывающим*» [2004: 382].

Проблема адекватности интерпретации смысла присутствует также и в предложении №2. Переводчик сталкивается с ситуацией противопоставления двух лексических единиц, характеризующихся отношениями синонимии. «Необходимо решить, в каком смысле «*race*» (вид состязания) не было «*contest*» (опять-таки состязание). Ответ на этот вопрос содержится в следующем предложении, где говорится, что один из бегущих всегда имел превосходство над другим, который никак не мог за ним угнаться.

Поэтому: «*В прошлом это никогда не было состязанием равных*» или «*В прошлом это никогда не было настоящим состязанием*» [2004: 382].

Перевод предложения №3 иллюстрирует варианты решения нескольких проблем. Присутствующее в тексте оригинала выражение «*in all yesterdays*» В.Н. Комиссаров пред-

лагают передать в переводе с использованием приема замены на нейтральное *«раньше»* или *«прежде»*. Перевод *«primeval Ooze»* требует от переводчика определенных усилий: *«Ooze»* – это *«ил, тина, грязь»* и весь образ обозначает не какой-то реальный этап человеческой истории, а отсылает к общему представлению о начале этой истории. В этом случае, по мнению Комиссарова, придется отклонить такие варианты, как *«с тех пор, как он вышел из первобытного строя»* (получается, что при первобытнообщинном строе люди не голодали), и признать допустимым следующие переводы: *«...как он выбрался из первобытной тины»*, *«...как он выбрался из первобытного болота»* или даже *«...как он вышел из первобытного мрака»* (ср. *«из мрака времен»*).

Поиск соответствия лексическим единицам, составляющим оппозицию *«provider – procreator»*, также требует применения определенных приемов, поскольку в переводе следует сохранить четкую выраженность противопоставления этих понятий. В.Н. Комиссаров приводит следующие аргументы: *«Меньше шансов, что удастся воспроизвести аллитерацию *«pro – pro»*, но аллитерация, столь обычная в английской речи, в русском языке употребляется значительно реже и часто утрачивается при переводе. Рассмотрев ряд возможных соответствий для первого члена оппозиции, таких как *«добытчик, поставщик, кормилец, производитель пищи»*, можно показать преимущество двух последних, попутно отметив, что просто *«производитель»* связан с совсем другими ассоциациями (ср. бык-производитель). Для второго члена оппозиции наиболее вероятны предложения *«отец, родитель, продолжатель рода, производитель потомства»*. Первые два варианта не дают четкого противопоставления, так как и *«отец»*, и *«родитель»* одновременно являются и *«кормильцами»*. Последние два варианта, по-видимому, мо-*

гут быть использованы в комбинациях «кормилец – продолжатель рода» и «производитель пищи – производитель потомства». Каждое из этих противопоставлений имеет свои преимущества, и окончательный выбор – дело вкуса переводчика» [2004: 383].

Следует также прояснить незначительные изменения в языке перевода, связанные с использованием приема компенсации: английское «*famine*» обладает большим прагматическим потенциалом по сравнению с русским «голод», что в переводе можно компенсировать посредством выбора глагола с иной стилистической коннотацией – «царил» или «свиrepствовал».

«*Recoded history*» переводится, как правило, «летопись» или «письменная история». Вместе с тем, речь может идти также и о нефиксированных источниках, по этой причине в качестве более уместного представляется вариант «известной нам истории».

«Итак, примерно: «Никогда прежде, с тех пор как он вышел из первобытного мрака, человек-кормилец не мог догнать человека – продолжателя рода: почти каждый год на протяжении известной нам истории где-нибудь в мире свиrepствовал голод» [2004: 384].

Переводческие действия в рамках перевода предложения №4 определяются умением переводчика анализировать конкретные ситуации в рамках структурного потенциала языка оригинала и перевода. В первую очередь следует исключить как неточные варианты перевода сочетания «*Christian Enlightenment*» – «после двадцати веков христианства» или «спустя двадцать веков после Рождества Христа», включая дословный перевод «после двадцати веков христианского просвещения». В русском языке «просвещение» обладает иным ассоциативным рядом, который соотно-

сится в большей степени с эпохой просвещения или с министерством просвещения, и достаточно сложно коррелирует с христианством. Окончательный вариант перевода, как отмечает В.Н. Комиссаров, предполагает применение в переводе либо морфологических средств – «христианская просвещенность», либо синтаксических – «просвещенное христианство». При переводе английского «*man's family*» в качестве предпочтительного варианта может использоваться прием замены «человеческая семья» на «род человеческий» (в стилистическом отношении более предпочтительный в русском языке по сравнению с «человечество»).

«В итоге получаем: «даже сегодня после двадцати веков просвещенного христианства половина рода человеческого голодает, а многие члены этого рода буквально умирают от голода» [2004: 384].

Проблемы в переводе предложения №5 могут быть мотивированы непониманием значения сочетаний «*a close race*» и «*to be charged with suspense*». Анализ возможных неточностей и ошибок следует проводить на основе уточнения смысловых нюансов, присутствующих в тексте оригинала при обозначении незначительного разрыва между победителем и другими участниками соревнования (*a narrow victory, to win by a small margin, to be a good second*). По мнению выдающегося ученого, в пояснении нуждаются также «переносные значения глагола «*to charge*» (*The atmosphere was charged with electricity, etc.*), и особое употребление существительного «*suspense*» при характеристике особо захватывающих моментов в детективных и приключенческих рассказах и фильмах (ср.: *to suspend breath* – «затаить дыхание»). Приемлемым вариантом может быть «Разрыв неожиданно сократился настолько, что борьба стала захватывающей». Одним из допустимых вариантов представляется: «Тем не

менее расстояние между соперниками неожиданно сократилось настолько, что состязание стало вызывать напряженный интерес» [2004: 384].

Правильное понимание грамматической структуры предложения №6 снимает основные трудности в переводе. В ходе анализа текста «следует лишь обратить внимание на то, что союз *«for»* часто употребляется в качестве вводного слова в начале предложения (не придаточного) и соответствует русскому *«ведь»* или *«дело в том, что»*. В тексте продолжается развертывание образа спортивного состязания, появляется тренер, дающий советы (*coaching*) с беговой дорожки или просто со стороны (*from the sidelines*), в то время как возглавляющий соревнования участник бежит уверенно и легко (*strong and easy*). Причиной возможной ошибки может быть также непонимание синтаксической структуры предложения. Так, можно решить, что глагол *«to get»* является здесь вспомогательным, и объединить его с прилагательным *«expert»* в качестве именной части сказуемого (*...has been getting expert*), в то время как это переходный глагол с прямым дополнением (*has been getting ...coaching* – то есть получал тренерские указания). Не мешает лишний раз напомнить о полезности элементарного грамматического разбора предложения, который показывает, кто делает и в отношении кого делает. Если не было допущено ошибок при передаче цифр, можно предложить дать окончательный вариант перевода, например: *«Дело в том, что кормилец получает в последнее время советы опытного тренера со стороны, и, несмотря на то, что продолжатель рода бежит уверенно и легко, ежегодно добавляя к своей семье небывало большое количество людей почти в 50 миллионов, разрыв между ними неуклонно сокращается» [2004: 384].*

Предложение №7 требует от переводчика владения терминологией, принятой в системе органов ООН. Дополнительная трудность может возникнуть в процессе поиска соответствия «*responsible*», которое в английском языке амбивалентно, т.е. характеризуется как положительными, так и отрицательными коннотациями (ср.: *Who is responsible for this beautiful picture?*). В русском языке его соответствие «*быть ответственным за что-то*» может получать в некоторых контекстах отрицательную коннотацию и означать быть виноватым, подлежать наказанию. В переводе по этой причине следует использовать варианты, которые выражают положительный смысл: «*которому мы обязаны, которому принадлежит заслуга*» и пр.

Таким образом, окончательный вариант перевода данного предложения может получить следующий вид: «*Тренер, которому мы обязаны таким замечательным поворотом событий – это «Продовольственная и сельскохозяйственная организация, более известная как ФАО – специализированное учреждение ООН»* [2004: 385].

Предложение №8 служит иллюстрацией для применения приема опущения. Английское «*two cheers*» в переводе должно было бы означать «две причины для похвал». В действительности, число «два» в данном контексте в значительной степени носит условный характер, так как в тексте речь не идет о каких-либо двух основаниях для выражения одобрения деятельности ФАО. «*To give two (or three) cheers to stb*» представляет собой распространенный способ выражать похвалу. В.Н. Комиссаров предлагает следующий вариант перевода: «*И за свои достижения в этом решающем состязании ФАО, несомненно, заслуживает всяческих похвал*» [2004: 385].

Предложение №9 содержит определенные трудности, связанные с переводческим выбором в рамках передачи эмфазы, которая выражена в английском «*Not least of all because*», указывая на одну из причин одобрения – «*И не в последнюю очередь потому...*». Возможные соответствия «*И прежде всего потому...*» или «*Главным образом потому...*» могут быть использованы для перевода данной фразы, несмотря тот факт, что в результате происходит незначительное смещение смыслового акцента. Английское словосочетание «*categorical imperatives*» предполагает такие варианты перевода, как «*категорический императив*» (аллюзия, связанная с кантовским термином), либо замену на более простой «*насуцная (настоятельная) необходимость (потребность)*». Английское «*Quack*» характеризуется явно выраженными отрицательными коннотациями, что, в свою очередь, представляет в русском языке широкий выбор негативных наименований «*шарлатан, знахарь, профан, невежа, дурак*» и др.

Английский глагол «*to be*» в переводе на русский язык заменяется глаголами с более конкретным значением. Как отмечает В.Н. Комиссаров, «в данном случае вместо «может быть» есть хороший выбор: «может стать, может сойти за...» и т.п. Далее надо подобрать соответствие противопоставлению «*lunacy-logic*». Дословное «*безумие-логика*» не может удовлетворять: «*Безумие не может сойти за логику*», это слишком разноплановые понятия. Ошибочным может быть не само безумие, а его результат, предполагаемые бредовые идеи, бред. А противопоставлены ему идеи логические, здравый смысл. Из этих вариантов и можно выбирать. И, наконец, забавная ошибка может возникнуть при переводе слова «*area*». В данном случае речь идет об употреблении в переносном смысле – «*область*», «*сфера*», а не район или ме-

сто... В результате примерный перевод может быть представлен следующим образом: *«И не в последнюю очередь потому, что, когда речь идет о категорическом императиве питания, любой шарлатан может стать знатоком, и поэтому ФАО действует в такой области, где бредовые идеи часто сходят за здравые»* [2004: 385].

Проблема адекватного выбора варианта соответствия представляет единственное затруднение в предложении №10. Английскому *«eater»* в данном контексте может соответствовать как *«едок»*, так и общее *«потребитель пищи»*. В русском языке выбор в пользу первого мотивирован возможностью более точного отражения прагматического потенциала английского слова:

«Как показывает само ее название, ФАО заботится больше о едоке, чем о фермере» [2004: 386].

Стратегия перевода предложения №11 связана с необходимостью выбора в качестве соответствия английскому *«fishermen»* между *«рыболовы»* и *«рыбаки»*. В русском языке *«рыболов»* соотносится в первую очередь с такими понятиями, как *«любитель»*, *«удочка»*, *«природа и отдых»*, а не *рыбак* и *производитель продуктов питания*.

Помимо этого, буквальный или дословный перевод *«most of us eat wrong»* – *«большинство из нас ест неправильно»* дает иную, по сравнению с исходным контекстом, референцию в русском языке, так как *«неправильно есть»* соотносится в речи с неумением вести себя за столом или пользоваться столовыми приборами, что исключает понятие правильного питания. Правильный выбор соответствия экономическому термину *«gainfully employed»* – *«самодетельное или экономически активное население»* – снимает остающиеся затруднения в переводе: *«например: «Такой акцент вполне естественен, так как фермеры (и рыбаки, и произво-*

дители продуктов питания вообще) составляют лишь около трех пятых всего самостоятельного населения в мире, а едим-то мы все, и, как утверждает ФАО, большинство из нас питается неправильно» [2004: 386].

Искажения смысла при переводе предложения №12 может быть вызвано тем обстоятельством, что значение предлога «*out of*» может быть ошибочно связано с идеей удаления или отсутствия (ср. *To run out of money; out of sight, out of mind*) без учета того факта, что в сочетании с названиями чувств и эмоций (*love, hatred, affection, concern, etc.*) этот предлог имеет значение «*ради, из-за*» (e.g. *He did it out of love for his mother*). Следует также отметить, что в английском тексте для выражения эмфазы использована синтаксическая конструкция. В переводе на русский язык ее необходимо заменить на лексические средства «*именно*», «*как раз*», «*никто иной, как*» и т.д. Прием замены также требуется применить при передаче английского «*was born*» «*была рождена*» более узуальными «*была создана*», «*возникла*».

«Сделав необходимый выбор, получаем: «*ФАО была создана именно из-за заботы о благополучии едоков во всем мире*» [2004: 386].

В качестве основных переводческих приемов в контексте перевода предложения №13 можно отметить знание правил транскрибирования имен собственных (*Wilbur Atwater – Уилбур Этюотер*), а также умение выбрать в системе средств переводящего языка правильное соответствие при передаче сообщения «*the calorie was invented*». В русском языке на уровне словаря английскому «*to invent*» соответствует «*изобретать*», однако в речи сочетание «*калория была изобретена*» невозможно в силу того, что калория представляет собой понятие, единицу измерения, изобрести которую можно лишь в ироническом смысле. «Если же иронии нет, то поня-

тие может быть и кем-то введено или предложено. Может быть, так и написать: «*Вначале было понятие калории, введенное в 90-х годах прошлого века американским агрохимиком по имени Уилбур Этуотер*» [2004: 386].

Перевод предложения №14 иллюстрирует ситуацию, при которой проблемы, описанные в предложении №13, отсутствуют в русском варианте, так как «*витамин был открыт*» узуально как в английском, так и в русском языках.

Транскрипция имени ученого *Casimir Funk*, открывшего витамины, может быть представлена либо в виде «Функ» в случае, если в качестве основы выбран польский язык, либо «Фанк» – в случае английского языка. Подобное варьирование при транскрибировании имен отмечается у многих европейцев, перебравшихся в США. «Используется общепринятая модель: «американец немецкого, польского, русского и пр. происхождения»... (ср. Фриз и Фрайс, Хомский и Чомски и т.п.).

Так: «*Затем появился витамин, открытый в 1911 г. американским биохимиком польского происхождения Казимиром Фанком*» [2004: 387].

Перевод предложения №15 связан с проблемой вербализации смысла в русском и английском языках, расхождением в норме и узусе языка оригинала и перевода. Так, например, в случае буквального перевода словосочетания «*эра питания*» (*era of nutrition*) появляется двойственность в интерпретации смысла предложения: эра или питание позднее превратилась/лось в науку.

При этом в русском языке как эра, так и питание концептуально – в значении трансформации – никак не связаны с понятием «*наука*», как это описано в оригинале: эра питания (*era of nutrition*), где эра/ питание позднее преврати-

лась/лось в науку. В русском языке данные словосочетания неузуальны, поскольку только учение, идея либо теория могут получить логическое развитие и превратиться в науку. По этой причине возникает потребность в использовании приема добавления, а именно: «эра нового учения о питании» или «эра теории правильного (рационального) питания».

Сходная ситуация в переводе соотносится и с английскими «*wigged and bearded*». В русском языке они соответствуют деепричастной форме «*обзаведясь париком и бородой науки*», которая не вполне уместна как с точки зрения стилистической презентации, так и представлений носителей языка перевода относительно образа науки (парик и борода). В данном случае следует использовать приемы замены и смыслового развития – «*всеми атрибутами*» или «*всеми признаками науки*» в целях восполнения утраченного образа в английском языке.

Как отмечает В.Н. Комиссаров, «наконец, последнее слово в предложении потребует объяснения, что английское «*diet*» – это не только диета, но и «*рацион*», «*содержание питания*» (ср.: You must change your diet – Вы должны иначе питаться). Учитывая все сказанное, возможным вариантом будет: «*Калория и витамины совместно провозгласили начало замечательной эры учения о рациональном питании, которое, обзаведясь всеми атрибутами науки, заставило всех нас подумать о том, как мы питаемся*» [2004: 387].

Перевод предложения №16 может иметь расхождения относительно выбора между вариантами «экономисты-аграрники», «экономисты-аграрии» и «экономисты-сельскохозяйственники», что не может быть отнесено к категории трудностей.

В данном предложении перевод английских nutrition – «рациональным питанием» и diet – «диета» не вызывает особых затруднений, которые, впрочем, уже были упомянуты В.Н. Комиссаровым. В данном контексте выдающийся практик перевода считает, что «порой встречается совершенно нелепая ошибка, когда в переводе «*есопоту*» как «экономия» появляется бессмысленное сочетание «экономия изобилия». Вот примерный вариант перевода: *«Но для экономистов-аграриев рациональное питание было не просто наукой о диете, это был указатель на пути к экономике изобилия»* [2004: 388].

Предложение №17 в переводе требует изменения порядка слов (в качестве логической связи с предыдущим предложением), в также умения выбрать, исходя из смысла текста оригинала как единого целого, между «*селекционные*» или просто «*отборные*» (культуры) в случае английского «*selected*». В.Н. Комиссаров отмечает, что «выбор будет, скорее, в пользу второго варианта как более широкого по смыслу...: *«Они считали, что благодаря науке о питании фермеры получают стимул производить больше отборных культур, расцветет международная торговля и весь мир будет лучше питаться»* [2004: 388].

Как отмечает В.Н. Комиссаров, «последнее предложение №18 переводится достаточно просто. При передаче временного периода (30-е годы) можно не указывать век, так как в контексте он легко подразумевается. Вряд ли нужно сохранять в переводе «*брак*» или «*брачный союз*» (*marriage*), достаточно будет и просто «*союз*» или «*тесная связь*». В итоге: *«На протяжении всех 30-х годов они призывали к «союзу здоровья и сельского хозяйства»; когда пришла война и настоятельно потребовались большие урожаи, их идеи были уже сформулированы»* [2004: 375-388].

Таким образом, преодоление трудностей, с которыми сталкивается переводчик в процессе перевода, обуславливается особенностями выбора переводческой стратегии в отношении содержащихся в тексте специфических лексических, грамматических, стилистических и т.п. явлений, прагматических ситуаций, выявляемых при проведении переводческого анализа текста.

ТЕМЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

I.

- Теория и практика перевода.
- Современные подходы к переводу.
- Переводческие исследования.
- Научный текст и перевод.
- Языковая обработка информации в контексте перевода.
- Научная коммуникация: опущения, добавления и ошибки в переводе.
- Буквальный перевод *vs* эквивалентный перевод.
- Языки и культуры в переводе.
- Написание научных работ (переводческий аспект).
- Лингвистические и экстралингвистические детерминанты перевода.

II.

- The Theory and Practice of Translation.
- Approaches to Translation.
- Translation Studies.
- Scientific Text and Translation.
- Language and Information Processing in the Context of Translation.
- Omissions, Additions, and Errors of Translation within Scientific Communication.
- Literary Translation *versus* Equivalent Translation.
- Language and Culture in Translation.
- Translation and Academic writing.
- Linguistic and Extra-linguistic determinants of Translation.

Правила оформления докладов и сообщений:

Структура:

- Введение
- Основная часть
- Заключение
- Краткие выводы
- Литература

Объем работы – не более 5 страниц.

Титульный лист не имеет нумерации.

Название дается по центру заглавными буквами (жирный шрифт). Внизу страницы по центру обязательно указывается место и год (жирный шрифт).

Шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 11, интервал – 1.0, поля зеркальные – 20 мм, абзацный отступ – 0,5.

Список литературы дается после пропуска строки в алфавитном порядке под заголовком «Литература» (шрифт 10) с указанием автора, наименования, места, издательства, года издания, количества страниц.

В тексте ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках с указанием автора, года издания и страницы.

Например:

[Петров, 2017: 14]

ТЕСТЫ

Тест 1.

1. Перевод как особый вид межъязыковой коммуникации.
2. В чем состоит суть междисциплинарного статуса науки о переводе и ее связи с социолингвистикой, психолингвистикой семиотикой и др.?
3. Приведите примеры определений понятия «перевод». Как они отражают сущностные черты и характеристики перевода?
4. Что означает выполнить перевод в соответствии с его телеологическим определением по В.Н. Комиссарову?

Тест 2.

1. Каковы предмет и объект теории перевода как науки.
2. Дайте определение общей, частной и специальной теорий перевода.
3. Перечислите задачи, которые ставит перед собой теория перевода.
4. Назовите сущностные признаки межъязыковой опосредованной коммуникации. В чем заключается специфика процесса перевода в сопоставлении с актом одноязычной коммуникации?

Тест 3.

1. Эквивалентность и адекватность – центральные понятия перевода. Раскройте сущность этих основополагающих категорий теории перевода.
2. Как соотносятся ключевые понятия «адекватность» и «эквивалентность» в акте перевода?

3. Перечислите основания для различения адекватности и эквивалентности перевода исходя из семиотических позиций.

4. Перевод как интерпретирующая системная деятельность. Уточните понятие «переводимость».

Тест 4.

1. Перевод и семиотика. Приведите определения видов перевода исходя из семиотического понимания его сущности (согласно типологии Р. Якобсона).

2. В чем заключаются основные постулаты концепции Р. Якобсона?

3. В чем заключается эвристическая ценность концепции Р. Якобсона?

Тест 5.

1. Переводческие трансформации. Уточните смысл понятия «трансформации» исходя из типологии трансформаций, разработанной Л.С. Бархударовым.

2. Дайте определение переводческих трансформаций в соответствии с концепцией А.Д. Швейцера.

3. Укажите основные причины переводческих трансформаций.

4. Перечислите основные типы трансформаций (по А.Д. Швейцеру).

Приложение 1

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Адекватный перевод – перевод, обеспечивающий прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствия конвенциональной норме перевода. В нестрогом употреблении А.П. – это правильный перевод.

Антонимический перевод – лексико-грамматическая трансформация, при которой замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную сопровождается заменой лексической единицы ИЯ на единицу ПЯ с противоположным значением.

Безэквивалентная лексика – лексические единицы ИЯ, не имеющие регулярных (словарных) соответствий в ПЯ.

Буквальный перевод – перевод, воспроизводящий коммуникативно нерелевантные элементы оригинала, в результате чего-либо нарушаются нормы и узус ПЯ, либо оказывается искаженным (непереданным) действительное содержание оригинала.

Вариантное соответствие см. Множественное соответствие.

Генерализация – лексико-семантическая замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением.

Грамматическая замена – грамматическая трансформация, при которой грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу ПЯ с иным грамматическим значением.

Дословный перевод см. **Синтаксическое уподобление**.

Единичное (постоянное) соответствие – наиболее устойчивый (постоянный) способ перевода данной единицы ИЯ, относительно независимый от контекста.

Жанрово-стилистическая норма перевода – требования, которым должен отвечать перевод в зависимости от принадлежности оригинала к определенному функциональному стилю.

Исходный язык (ИЯ) – язык оригинала, язык, с которого делается перевод.

Калькирование – способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) – их лексическими соответствиями в ПЯ.

Коммуникативная равноценность – способность текста выступать в качестве полноправной замены (в функциональном, содержательном и структурном отношении) другого текста. Коммуникативно-равноценные тексты являются формами существования одного и того же сообщения и объединяются воедино (отождествляются) в процессе коммуникации.

Компенсация – способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале.

Конвенциональная норма перевода – требования, которым должен отвечать перевод в связи с общепринятыми в данный период взглядами на роль и задачи переводческой деятельности.

Конкретизация – лексико-семантическая замена единицы ИЯ, имеющей более широкое значение, единицей ПЯ с более узким значением.

Контекстуальная замена см. Оказиональное соответствие.

Лексико-семантическая замена – способ перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц ПЯ, значения которых не совпадают со значениями исходных единиц, но могут быть выведены из них с помощью логических преобразований определенного типа.

Лексический контекст – совокупность лексических единиц, в окружении которых используется данная единица текста.

Лингвистическая теория перевода – теоретическая часть лингвистики перевода.

Макроконтекст см. Широкий контекст.

Межъязыковая трансформация см. Переводческая трансформация.

Микроконтекст см. Узкий контекст.

Множественное (вариантное) соответствие – один из регулярных способов перевода данной единицы ИЯ, частично воспроизводящей в ПЯ ее значение.

Норма эквивалентности перевода – требование максимально возможной смысловой близости перевода к оригиналу.

Нулевой перевод – отказ от передачи в переводе значения грамматической единицы ИЯ вследствие его избыточности.

Объединение предложений при переводе – способ перевода, при котором синтаксическая структура в оригинале преобразуется путем соединения двух простых предложений в одно сложное.

Однотипное соответствие – грамматическое соответствие в ПЯ, имеющее наименование, определение и грамматическое значение, аналогичное замещаемой единице ИЯ.

Окказиональное соответствие (контекстуальная замена) – нерегулярный, исключительный способ перевода единицы оригинала, пригодный лишь для данного контекста.

Описательный перевод см. Экспликация.

Перевод – вид языкового посредничества, при котором содержание иноязычного текста оригинала передается на другой язык путем создания на этом языке коммуникативно равноценного текста.

Переводческая (межъязыковая) трансформация – преобразование, с помощью которого можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода.

Переводческое соответствие – единица ПЯ, регулярно используемая для перевода данной единицы ИЯ.

Переводящий язык (ПЯ) – язык, на который делается перевод.

Письменный перевод – вид перевода, при котором оригинал и перевод выступают в процессе перевода в виде фиксированных (главным образом письменных) текстов, к которым переводчик может неоднократно обращаться.

Постоянное соответствие – наиболее постоянный способ перевода данной единицы ИЯ, относительно независимый от контекста.

Прагматика перевода (прагматический аспект перевода) – влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал

оригинала и обеспечить желаемое воздействие на получателя перевода.

Прагматический потенциал текста – способность текста оказывать воздействие на получателя, вызывать у него интеллектуальную или эмоциональную реакцию на передаваемое сообщение.

Прием лексических добавлений – использование в переводе дополнительных лексических единиц для передачи имплицитных элементов смысла оригинала.

Прием местоименного повтора – повторное указание в тексте перевода на уже упоминавшийся объект с заменой его имени на соответствующее местоимение.

Прием опущения – отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов, значения которых нерелеванты или легко восстанавливаются в контексте.

Прием перемещения лексических единиц – использование ближайшего соответствия переводимой единице ИЯ в другом месте высказывания в тексте перевода.

Процесс перевода (собственно перевод) – действия переводчика по созданию текста перевода.

Рабочий перевод – предварительный перевод, эквивалентность которого ограничена лишь передачей на уровне способа описания ситуации предметно-логического содержания оригинала.

Разнотипное соответствие – грамматическое соответствие в ПЯ, не совпадающее с исходной единицей по названию и определению.

Рецептор (информации) – получатель сообщения, слушающий или читающий участник коммуникации.

Свободный (вольный) перевод – перевод, выполненный на более низком уровне эквивалентности, чем тот, кото-

рого можно достичь при данных условиях переводческого акта.

Синтаксический контекст – синтаксическая структура, в рамках которой употреблено данное слово в тексте.

Синтаксическое уподобление (дословный перевод) – способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру ПЯ с сохранением набора полных слов и порядка их расположения в оригинале и переводе.

Ситуативный (экстралингвистический) контекст – обстановка, время и место, к которым относится высказывание, а также любые факты реальной действительности, знание которых помогает рецептору правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании.

Ситуация – совокупность идеальных или материальных объектов и связей между ними, описываемых в содержании высказывания.

Смысловая доминанта – наиболее важная часть содержания оригинала, которая должна быть непременно сохранена в переводе и ради сохранения которой могут быть принесены в жертву другие элементы переводимого сообщения.

Смысловое развитие – лексико-семантическая замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой является логическим следствием значения исходной единицы.

Сопоставительный анализ перевода – анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием оригинала.

Способ описания ситуации – часть содержания высказывания, указывающая на признаки ситуации, через которые она отражается в высказывании.

Транскрипция – способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее звуковой формы с помощью букв ПЯ.

Транслитерация – способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее графической формы с помощью букв ПЯ.

Узкий контекст (микрoкoнтeст) – лингвистический контекст в пределах одного словосочетания или предложения.

Цель коммуникации – часть содержания текста (высказывания), указывающая на общую речевую функцию текста в акте коммуникации.

Членение предложения – способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры в ПЯ.

Широкий контекст (макрoкoнтeст) – лингвистический контекст, выходящий за пределы предложения, в котором употреблена данная языковая единица.

Эквивалентность перевода – общность содержания (смысловая близость) оригинала и перевода.

Экспликация (описательный перевод) – лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение этого значения на ПЯ.

Экстралингвистический контекст см. Ситуативный контекст.

Языковое посредничество – преобразование в процессе межъязыковой коммуникации исходного сообщения в такую языковую форму, которая может быть воспринята рецептором, не владеющим ИЯ [Комиссаров, 2004: 407-415].

Приложение 2

ОБЩИЕ ЗАДАНИЯ К ПРИЛОЖЕНИЯМ 2 и 3

1. Сопоставить тексты оригинала и перевода с целью выявления сходств и различий (включая составление синонимических рядов и дифференциацию значений синонимов, стилистическую оценку предлагаемых вариантов).

2. Провести критический анализ использованных в переводе методов и приемов, дополнить своими вариантами переводческих решений.

3. Составить вопросы по текстам с целью проверки глубины понимания текста и обсуждения концепций, лежащих в основе содержания текста, а также связанных с ними терминов и понятий.

4. Подобрать параллельные тексты в рамках исследуемой тематики (составить план содержания оригинала, сформулировать основную мысль автора, составить терминологический список, выделить в тексте доминантные аспекты содержания и формы).

ОБРАЗЦЫ ПЕРЕВОДОВ АННОТАЦИЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Образец перевода аннотации научной статьи №1

Relationship Between Botulinum Toxin, Spasticity, and Pain: a Survey of Patient Perception

Adil Shaikh, Chetan P Phadke, Farooq Ismail, Chris Boulias

ABSTRACT: Objective: To assess the prevalence of pain in adults with spasticity and to assess the association between the subjective experience of pain and spasticity. Design: Cross-sectional study. Setting: outpatient spasticity management clinic of a rehabilitation centre. Patients: Patients with upper motor neuron lesions and spasticity (n=131) were recruited. Methods: We assessed pain intensity and location, relationship between spasticity and pain perception, and perception of pain relief from botulinum toxin type-A (BoNTA) injections. Main outcome measures: Pain perception rated on a 10-point numerical rating scale and pain quality. Results: 65% of the patients with spasticity reported presence of pain and 60% described it as an aching pain. More patients reported pain with movement (34%) compared to rest (21%). There was a statistically poor correlation between the severity of pain and spasticity ($r=0.16$; $p>0.05$). Most patients (80%) believed that their pain was related to spasticity and 62% reported that BoNTA injections decreased their pain. Conclusions: The high incidence of pain noted within our sample suggests that physicians may have to consider pain management as part of spasticity treatment. Participants reported that their pain was related to their spasticity, and that it decreased after BoNTA treatment. Further study is needed to explore the relationships between objective measures of spasticity and pain.

RÉSUMÉ:

Relation entre la toxine botulique, la spasticité et la douleur : un eenquête sur la perception des patients.

Objectif: Le but de l'étude était de déterminer la prévalence de la douleur chez des adultes souffrant de spasticité et d'étudier

l'association entre l'expérience subjective de la douleur et la spasticité. Devis de l'étude: Il s'agit d'une étude transversale. Contexte: Cette étude a été réalisée auprès de patients fréquentant une clinique dédiée au traitement de la spasticité dans un centre de réadaptation. Patients: Des patients atteints de lésions du neurone moteur supérieur et de spasticité ont été recrutés (n=131). Méthode: Nous avons évalué l'intensité et la localisation de la douleur, la relation entre la spasticité et la perception de la douleur ainsi que la perception du soulagement de la douleur suite à des injections de toxine botulique de type A (BoNTA). Principaux critères d'évaluation: Les critères utilisés étaient la perception de la douleur évaluée sur une échelle numérique de 10 points et la qualité de la douleur. Résultats: Soixante-cinq pour cent des patients présentant de la spasticité ont rapporté la présence de douleur et 60% l'ont décrite comme une douleur sourde. Plus de patients ont rapporté de la douleur au mouvement (34%) qu'au repos (21%). La corrélation entre la sévérité de la douleur et la spasticité était faible au point de vue statistique ($r=0,16$; $p>0,05$). La plupart des patients (80%) croyaient que leur douleur était reliée à la spasticité et 62% rapportaient que les injections de BoNTA diminuaient la douleur. Conclusions: L'incidence élevée de douleur notée dans notre échantillon de patients suggère que les médecins devraient considérer la gestion de la douleur comme faisant partie du traitement de la spasticité. Les participants ont rapporté que leur douleur était reliée à la spasticité et qu'elle diminuait après le traitement par la BoNTA. Des études supplémentaires seront nécessaire afin d'explorer la relation entre des mesures objectives de la spasticité et la douleur.

Keywords: botulinum toxin, cerebral palsy, muscle spasticity, multiple sclerosis, pain, spinal cord injury, stroke.

doi:10.1017/cjn.2015.321

Can J Neurol Sci. 2016; 43: 311-315

ORIGINAL ARTICLE COPYRIGHT © 2015 THE CANADIAN JOURNAL OF NEUROLOGICAL SCIENCES INC

Образец перевода аннотации научной статьи №2

Л.А. БОКЕРИЯ, А.В. СЕРГЕЕВ, 2014

АННАЛЫ АРИТМОЛОГИИ, 2014

УДК 616.12-008.313.2-089.168:616.125-008.318

DOI: 10.15275/annaritmol.2014.2.3

ПРЕДСЕРДНЫЕ АРИТМИИ ПОСЛЕ ХИРУРГИЧЕСКОГО ЛЕЧЕНИЯ ФИБРИЛЛЯЦИИ ПРЕДСЕРДИЙ

Тип статьи: обзорная статья

Л.А. Бокерия, А.В. Сергеев

ФГБНУ «Научный центр сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева» (директор, академик РАН и РАМН Л.А. Бокерия); Рублевское шоссе, 135, Москва, 121552, Российская Федерация

Бокерия Лео Антонович, академик РАН и РАМН, директор ФГБНУ «НЦССХ им. А.Н. Бакулева»; Сергеев Алексей Викторович, канд. мед. наук, научн. сотр., e-mail: sergeev_av@list.ru

Хирургическая абляция фибрилляции предсердий (ФП) выполняется в основном при сочетанных операциях у пациентов с сопутствующей врожденной или приобретенной патологией сердца. Однако в последнее время отмечается значительное увеличение интереса и электрофизиологов, и сердечно-сосудистых хирургов к данному вмешательству как к самостоятельной процедуре. Необходимо отметить, что даже хирургическая абляция не обладает стопроцентной эффективностью, что проявляется развитием послеоперационных предсердных аритмий. Из-за возрастающей операционной активности по хирургической абляции ФП в ближайшем будущем ожидается увеличение числа пациентов с предсердными аритмиями после таких операций. Данная категория пациентов требует изучения механизма предсердных аритмий после хирургической абляции ФП, разработки соответствующих алгоритмов лечения и изучения исходов в отдаленном послеоперационном периоде. Проведен анализ данных мировой литературы в поиско-

вых системах PubMed, MedLine, Google (статьи на русском языке) с использованием следующих ключевых слов: atrial arrhythmias, surgical ablation of atrial fibrillation, atrial fibrillation surgery, recurrent atrial arrhythmia, предсердные аритмии после операции «лабиринт», предсердные аритмии после хирургической абляции ФП. В начале поиска выделены 146 статей, из которых в дальнейшем после анализа названия статьи отобраны для литературного обзора 16 оригинальных статей, содержащих данные по предсердным аритмиям после хирургической абляции ФП. Интересен факт отсутствия обзоров в отобранных статьях. Три статьи исключены из обзора, так как в них приведены данные по предсердным аритмиям после мини-инвазивной абляции ФП с видеоподдержкой. В различных исследованиях получены хорошие отдаленные результаты операции «лабиринт» с применением современных альтернативных методов воздействий взамен изначальной методики «разрез–шов». Вместе с тем необходимо отметить, что незавершенные линии воздействия или зарубцевавшиеся ткани в области хирургического воздействия могут создавать субстрат для развития инцизионных макрориентированных предсердных тахикардий при отсутствии в отдаленном послеоперационном периоде ФП как таковой. Послеоперационные аритмии часто субъективно хуже переносятся пациентами в сравнении с изначальной ФП, так как носят организованный характер. В связи с этим важно знать электрофизиологические характеристики данных аритмий, чтобы проводить их эффективное картирование и абляцию.

Ключевые слова: операция «лабиринт»; послеоперационные предсердные аритмии; радиочастотная абляция.

ATRIAL ARRHYTHMIAS AFTER SURGICAL TREATMENT OF ATRIAL FIBRILLATION

L.A. Bockeria, A.V. Sergeev

A.N. Bakoulev Scientific Center for Cardiovascular Surgery; Rublevskoe shosse, 135, Moscow, 121552, Russian Federation

Bockeria Leo Antonovich, Academician of Russian Academy of Sciences and Russian Academy of Medical Sciences, Director of A.N. Bakoulev Scientific

Center for Cardiovascular Surgery; Sergeev Aleksey Viktorovich, MD, PhD,
Research Associate, e-mail: sergeev_av@list.ru

Surgical ablation of atrial fibrillation (AF) is predominantly performed as a concomitant antiarrhythmic procedure in patients with congenital or acquired cardiac pathology. The number of stand-alone procedures to ablate AF has dramatically increased for the last decades. It is important to note, however, that these procedures still suffer from failures manifested by occurrence of postoperative atrial arrhythmias. Given the current surgical activity in this field, it is expected that the number of patients with postablative atrial arrhythmias will be increased in the near future. Management of these patients requires better understanding of the mechanisms of postablative atrial arrhythmias, developing of treatment algorithms and observing late outcomes after arrhythmia surgery. Articles on surgical treatment of AF were searched in PubMed, MedLine, Google (for articles in Russian) using following keywords: atrial arrhythmias, surgical ablation of AF, AF surgery, recurrent atrial arrhythmias, atrial arrhythmias after maze-procedure. One hundred forty six articles were found. After in-depth analysis 16 original articles on atrial arrhythmias after surgical ablation of AF were selected for the review. Interestingly, there were no review articles among found articles. Three articles were excluded because they contained data on recurrent atrial arrhythmias after minimally invasive endoscopic ablation of AF. In different studies good late results of surgical ablation of AF using alternative energy sources instead of “cut-and-sew” technique have acquired. It should be noted that inconsistent ablation lines or postoperative scars may lead to incisional macro-reentry atrial arrhythmias and these arrhythmias are definitely not AF. Postoperative arrhythmias are poorly tolerated by patients compared to AF because these are good organized and have high ventricular response. Underlying electrophysiological properties of these arrhythmias should be studied to properly map and ablate them.

Key words: maze-procedure; postoperative atrial arrhythmias; radiofrequency ablation

Образец перевода аннотации научной статьи №3

Сибирский медицинский журнал, 2015, том 30, № 2

Адрес: 634012, г. Томск, ул. Киевская, 111а. E mail: oliver@cardio.tsu.ru.

Репин Алексей Николаевич, докт. мед. наук, профессор, руководитель отделения реабилитации НИИ кардиологии. Адрес: 634012, г. Томск, ул. Киевская, 111а. E mail: gan_12@mail.ru.

Сальникова Елена Сергеевна, аспирант отделения реабилитации НИИ кардиологии.

Адрес: 634012 г. Томск, ул. Киевская, 111а.

E mail: elena.salnikova.mp@mail.ru.

ВОЗМОЖНОСТИ МАГНИТНО-РЕЗОНАНСНОЙ ТОМОГРАФИИ С ПАРАМАГНИТНЫМ УСИЛЕНИЕМ В ПРОСПЕКТИВНОЙ ОЦЕНКЕ АТЕРОСКЛЕРОТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ДИНАМИКЕ ТЕРАПИИ АТОРВАСТАТИНОМ НА ПРИМЕРЕ СОННЫХ АРТЕРИЙ

Е.Э. Бобрикова, А.С. Максимова, П.И. Лукьяненко, В.Д. Аптекарь, М.П. Плотников, А.М. Гусакова, В.Ю. Усов. Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Научно-исследовательский институт кардиологии», Томск E:mail: bobrikova.tomsk@gmail.com

Представлены и обсуждены возможности магнитно-резонансной томографии (МРТ) с контрастным усилением в проспективной оценке состояния каротидных атеросклеротических бляшек на примере двухлетнего МРТ наблюдения пациента с двусторонним атеросклеротическим поражением каротидных артерий в динамике терапии аторвастатином (40 мг/сутки). Показано, что длительное применение аторвастатина сопровождается проспективным снижением интенсивности контрастного усиления атеросклеротических бляшек в области проксимальных отделов внут-

ренных сонных артерий и снижением риска острых нарушений мозгового кровообращения, стабилизацией картины головного мозга.

Ключевые слова: магнитно-резонансная томография, каротидный атеросклероз, контрастное усиление, аторвастатин.

**MAGNETIC RESONANCE IMAGING WITH PARAMAGNETIC
CONTRAST ENHANCEMENT AS A TOOL FOR THE CONTROL
OF ANTIATHEROSCLEROTIC TREATMENT
WITH ATORVASTATINE IN CASE OF CAROTID STENOSIS**

E.E. Bobrikova, A.S. Maksimova, P.I. Lukyanenok, V.D. Aptekar, M.P. Plotnikov, A.M. Gusakova, W.Yu. Ussov

Federal State Budgetary Scientific Institution "Research Institute for Cardiology", Tomsk

The article presents and discusses capabilities of magnetic resonance imaging with paramagnetic contrast enhancement as a possible tool for long term follow up of atherosclerotic plaques. Authors present a case of following up a patient with bilateral carotid atherosclerotic plaques treated with atorvastatine at a dose of 40 mg per day for as long as two years. Data suggest that long term treatment with atorvastatine is associated with decrease in contrast enhancement of atherosclerotic plaques of carotid arteries and also with stabilization/improvement in MRI scans of the brain itself.

Key words: *magnetic resonance imaging, carotid atherosclerosis, contrast enhancement, atorvastatine.*

Образец перевода аннотации научной статьи №4

**ХИРУРГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ СТЕНОЗА
СОННЫХ АРТЕРИЙ (ОБЗОР)**

УДК 616.133.3–077.271–089

Поступила 14.01.2015 г.

А.В. Яриков, врач-нейрохирург¹;

А.В. Балябин, к.м.н., научный сотрудник²; врач-нейрохирург¹;

К.С. Яшин, аспирант²;

А.С. Мухин, д.м.н., профессор, зав. кафедрой хирургии ФПКВ³

¹ Городская клиническая больница №39, Н. Новгород, 603028, Московское шоссе, 144;

² Приволжский федеральный медицинский исследовательский центр Минздрава России, Н. Новгород, 603155, Верхне-Волжская набережная, 18;

³ Нижегородская государственная медицинская академия, Н. Новгород, 603005, пл. Минина и Пожарского, 10/1

Проведен сравнительный анализ современных методов хирургического лечения атеросклеротического поражения сонных артерий: каротидного стентирования и каротидной эндартерэктомии (классической и эверсионной). Описаны преимущества и недостатки этих методов, представлены показания и противопоказания. Особый акцент сделан на технику и сроки выполнения каротидной эндартерэктомии. Показаны преимущества использования заплаты при каротидной эндартерэктомии перед первичным швом зоны артериотомии, а также сформулированы требования к заплате. Проанализированы все используемые в настоящее время материалы для заплаты и описаны недостатки и преимущества каждого из них. Оценены возможность и безопасность более активной хирургической тактики по реваскуляризации головного мозга в ост-

ром периоде ишемического инсульта при строгом соблюдении показаний к оперативному вмешательству. Отмечено положительное влияние каротидной эндартерэктомии на когнитивные функции больных в виде улучшения неврологического и нейропсихического статуса. Сделан важный вывод об отсутствии преимуществ у всех вышеперечисленных методов, о возможности их взаимодополняемости и реальности использования при лечении хронической ишемии головного мозга.

Ключевые слова: каротидная эндартерэктомия; каротидное стентирование; ишемический инсульт; стеноз сонных артерий.

English

SURGICAL TREATMENT MODALITIES OF CAROTID ARTERY STENOSIS (REVIEW)

A.V. Yarikov, Neurosurgeon¹;

A.V. Balyabin, MD, PhD, Researcher²; Neurosurgeon¹;

K.S. Yashin, PhD Student²;

A.S. Mukhin, MD, DSc, Professor, Head of the Surgery Department, Post-graduate Faculty³

¹ City Clinical Hospital No.39, 144 Moskovskoe shosse, Nizhny Novgorod, 603028, Russian Federation;

² Privolzhsky Federal Research Medical Center, Ministry of Health of the Russian Federation, 18 Verkhne-Volzhskaya naberezhnaya St., Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation;

³ Nizhny Novgorod State Medical Academy, 10/1 Minin and Pozharsky Square, Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation

The review presents the comparative analysis of current surgical techniques to treat atherosclerotic carotid lesions: carotid stenting and carotid endarterectomy (classical and everting), and describes the advantages and disadvantages of these methods introducing indications

and contraindications. Particular emphasis is given to the technique and time to complete carotid endarterectomy. The paper concerns the benefits of a patch over a primary suture, as well as presents the requirements for a patch used in carotid endarterectomy. The authors studied all current materials used for patches, and gave merits and demerits of each material described. The review assesses the feasibility and safety of the more invasive surgical approach for brain revascularization in an acute period of ischemic stroke in strict compliance with surgical indications. The authors have concluded that carotid endarterectomy has a positive effect on cognitive functions in patients in the form of neurological and neuropsychological status improvement. There has been also proved that all above mentioned techniques have no advantages, moreover, they can be mutually complementary and, actually, used in chronic cerebral ischemia treatment.

Key words: *carotid endarterectomy; carotid stenting; ischemic stroke; carotid artery stenosis.*

Образец перевода аннотации научной статьи №5

АФРИКАНСКАЯ ЧУМА СВИНЕЙ В МИРЕ: ЭПИЗОДИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА И КОНТРОЛЬ

Аннотация.

Приведена краткая интерпретация естественной истории и значения африканской чумы свиней (АЧС) на современном этапе. Описаны эпизодическая динамика возникновения и распространения болезни в 2007-2017 гг. в РФ, ее выход за пределы страны на территорию сопредельных с запада государств, включая страны ЕС. Даны ссылки на нормативные документы, регламентирующие контроль АЧС в РФ.

LA PROLIFERACIÓN DE LA PESTE PORCINA AFRICANA EN EL MUNDO: SITUACIÓN EPIDEMIOLÓGICA Y CONTROL

Resumen:

Se brinda una breve interpretación de la historia de la peste porcina africana (PPA) y su importancia en la etapa actual. Se describe la dinámica epizootica de la aparición y propagación de la enfermedad en 2007-2017 en la Federación Rusa, así como su aparición fuera del país, en territorios de los países vecinos que incluyen a los países de la Unión Europea. Se dan referencias de las normativas que regulan el control de la PPA en la Federación Rusa.

AFRICAN SWINE FEVER IN THE WORLD: EPIZOOTIC SITUATION AND CONTROL

Summary

A brief interpretation of the natural history and value of the African swine fever (ASF) at the actual stage is given. Epizootic dynamics of the emergence and spread of the disease in 2007-

2017 in the Russian Federation, its emergence out of the country to the territory of neighboring countries including the EU countries are described. The references to the normative standards regulating the control of the ASF in the Russian Federation are given.

Образец перевода аннотации научной статьи №6

РИСК БЕДСТВИЙ И ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация

В статье представлены материалы по оценке влияния катастроф на устойчивое развитие, развитие методов прогнозирования, предупреждения катастроф, а также повышения устойчивости функционирования городов, муниципальных образований, отраслей экономики. Основное внимание обращается на развивающиеся страны, в которых влияние риска катастроф на устойчивое развитие может привести к огромным социальным и экономическим проблемам. Необходимо увеличивать эффективность контроля в области защиты населения и территорий от катастроф и организации работы по снижению риска бедствий.

Ключевые слова: устойчивое развитие, риск, катастрофы, развивающиеся страны, снижение риска бедствий, экономический ущерб.

RIESGO DE DESASTRES Y ALCANZANDO LOS OBJETIVOS DEL DESARROLLO SOSTENIBLE

Resumen

Se presentan los materiales sobre la evaluación del impacto de las catástrofes en el desarrollo sostenible, el desarrollo de métodos de pronóstico, la prevención de catástrofes, así como la mejora de la sostenibilidad del funcionamiento de ciudades, municipios y sectores económicos. El enfoque principal está en los países en desarrollo en los que el impacto del riesgo de cataclismo en el desarrollo sostenible puede generar enormes problemas sociales y económicos. Es necesario aumentar la efectividad del control en el campo de la protección de la población y los territorios frente a desastres y organizar el trabajo sobre la reducción del riesgo de desastres.

Palabras clave: desarrollo sostenible, riesgo, catástrofes, países en desarrollo, reducción del riesgo de desastres, daño económico.

Приложение 3

ОБРАЗЦЫ ПЕРЕВОДОВ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Научная статья №1

АФРИКАНСКАЯ ЧУМА СВИНЕЙ В МИРЕ: ЭПИЗОДИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА И КОНТРОЛЬ

Африканская чума свиней (АЧС) относится к категории наиболее важных трансграничных инфекций с катастрофическим потенциалом. Это одна из самых серьезных проблем эпизоотологии ввиду способности к возникновению и широкому распространению в самых неожиданных регионах мира, чрезвычайно большого прямого ущерба (высокой летальности восприимчивых животных), расходов на различные ограничительные меры и искоренение, невозможности специфической профилактики. Болезнь известна с начала XX в., с первых попыток интродукции свиней культурных пород в колониальные страны Субэкваториальной и Южной Африки. На первом этапе естественной истории, до выноса в Португалию (1957) и Испанию (1960), АЧС имела стереотип типичной трансмиссивной природно-очаговой экзотической болезни с естественной циркуляцией вируса в популяциях диких африканских свиней, внутрисемейной передачей и течением в виде персистентной толерантной инфекции. При возникновении первых случаев среди домашних (неаборигенных) свиней болезнь приобретала острое течение с летальностью до 100%. В дальнейшем АЧС эволюционировала в сторону самостоятельного антропоургического цикла с ускорением в южноевропейских странах, двукратным эмерджентным заносом в страны Центральной и Южной Америки (1971 и 1978-1980 гг.), резким снижением летальности и преобладанием скрытых форм течения.

Распространение АЧС во второй половине 1970 гг. имело глобальный характер со всеми признаками пандемии. Эпизоотическая ситуация в традиционном нозоареале субсахарной Африки оставалась на уровне гиперэнзоотии. Эмерджентно неблагоприятными, помимо энзоотической зоны Перинейского полуострова с возрастающей напряженностью, оказалась Куба (1971, 1980), СССР (1977), Италия (1978), Мальта (1978-1979), Гаити, Бразилия (1978-1984), а также Франция (1984), Бельгия (1985), Голландия (1986). В результате предпринятых беспрецедентных мер усилиями национальных ветеринарных служб, международных организаций и фондов Евросоюза стран Центральной Америки вспышки, эпизоотии, энзоотии АЧС в этих регионах были ликвидированы путем применения жесткой радикальной тактики (поголовный систематический мониторинг, стемпинг аут вплоть до депопуляции в масштабах государств). Особенно показателен успех быстрого искоренения АЧС в обоих случаях на Кубе, в трех областях СССР, а также после полувекового неблагоприятного практического оздоровлении Испании и Португалии (в 1985-1995 гг.), с высокой противоэпизоотической и экономической эффективностью. К началу XXI в. АЧС оставалась энзоотической для субэкваториальной части африканского континента и, вероятно, «вернулась» к своему исходному природно-очаговому экзотическому стереотипу; болезнь эпизодически регистрировалась в виде вспышек различных масштабов преимущественно в регионе Западной Африки (Кот’де-Ивуар, Того, Бенин, Нигерия, Конго). Вне Африки энзоотической оставалась только Италия (о. Сардиния), где АЧС укоренилась в популяциях диких свиней.

Однако весной 2007 г. АЧС неожиданно появилась в Грузии. Референсная лаборатория МЭБ в Пербрайте (Великобритания) выявила в пробах патологического материала, полученного в этих случаях, с помощью тестов «золотого стандарта» (выделение вируса в культуре клеток, ИФА, ПЦР) вирус АЧС редкого генотипа II, изоляты которого выделялись в 1993-2002 гг. в восточных регионах Южной Африки (Мозамбик, Замбия, Мадагаскар). Болезнь распространилась по всей республике и в виде эпизодических вспышек – в сопредельных странах и регионах (Армения, Азер-

байджан, Абхазия, Нагорный Карабах, север Ирана), что подтвердило исключительное значение болезни на современном этапе.

Если эпизодическое возникновение новых вспышек АЧС в энзоотичной Африке в принципе прогнозируемо, то этот географический «прыжок» болезни в черноморско-закавказский регион поверг в шоковое состояние международные организации. В течение менее одного года это уже второй беспрецедентный факт появления экзотических эмерджентных инфекций в Северном полушарии после эпизоотий блутанга, возникших в Голландии с августа 2006 г.

С территории Грузии АЧС была занесена в РФ (Чечня, Северная Осетия), и в 2007-2008 гг. распространилась в Северокавказском регионе страны. Далее последовало интенсивное прогрессирующее эпизоотическое распространение в Европейской части РФ с вовлечением домашних и диких кабанов, вследствие чего сформировалась масштабная энзоотия со становлением крупных стационарно неблагополучных кластеров в южном, западном и центральном федеральных округах (с 2012 г.). Заболеваемость домашних свиней в хозяйствах всех категорий и форм собственности возникала преимущественно экзогенно, эпизоотический процесс имел характер спорадических вспышек разной интенсивности, без «привязанных» к отдельным инцидентам доказанных эпизоотических связей, за счет непреднамеренного или контрафактного непредсказуемого заноса инфекции извне с контаминированными объектами (скрыто инфицированные свиньи, продукты свиного происхождения, транспорт, пищевые отходы). В дальнейшем заболеваемость прогрессивно концентрируется среди диких кабанов.

Этому во многом способствуют климатогеографические и социально-экономические особенности неблагополучных зон с аномально высокой популяционной плотностью этих животных, преимущественно закрепленными охотничьими угодьями, широко развитой сетью частных охотничьих и природоохранных организаций, искусственно, зачастую нелегитимно, поддерживающих их жизнеобеспечение и размножение.

LA PROLIFERACIÓN DE LA PESTE PORCINA AFRICANA EN EL MUNDO: SITUACIÓN EPIDEMIOLÓGICA Y CONTROL

La peste porcina africana (PPA) es una de las infecciones transfronterizas más importantes con un potencial catastrófico. Es uno de los problemas más graves, debido a la baja capacidad epizootiológica y aparición generalizada en las partes más inesperadas del mundo, daño considerable directo (alta mortalidad de los animales susceptibles), el costo de los diferentes métodos de erradicación, así como de las medidas restrictivas imposibilitan la prevención específica. La enfermedad se conoce desde principios del siglo XX, desde los primeros intentos de introducir cerdos de especies mejoradas en los países coloniales del África subsahariana. En la primera etapa de la historia natural, antes de su traslado a Portugal (1957) y España (1960), la PPA era el estereotipo de una típica enfermedad exótica focal natural transmisible con circulación natural del virus en poblaciones porcinas africanas salvajes, presentándose así la forma de tolerancia a la persistencia de la infección. En el caso de los primeros animales de corral (no autóctonos), la enfermedad porcina fue aguda para una tasa de mortalidad de hasta 100%. En el futuro, la PPA evolucionará hacia el ciclo de auto aparición arraigada en los países del sur de Europa. Esta enfermedad apareció en dos ocasiones en los países de deriva emergentes en América Central y América del Sur (1971 y 1978-1980). Se presentó una fuerte disminución de la mortalidad y la prevalencia de las formas latentes de propagación.

La propagación de la PPA en la segunda mitad de los años 1970, fue global, con todos los signos de una pandemia. La situación epizootica en la región nosológica del África subsahariana se mantuvo a niveles de hiperenzootia. La aparición de desventajas, además de la zona enzootica en la Península Ibérica y con el aumento de intensidad de la enfermedad, aparecieron en Cuba (1971, 1980), la URSS (1977), Italia (1978), Malta (1978-1979), Haití, Brasil (1978- 1984), Francia (1984), Bélgica (1985) y Países Bajos (1986). Como resultado de las medidas sin precedentes de los esfuerzos de los servicios veterinarios nacionales, organizaciones internacionales y el fondo de la Unión Europea y los países de América Central, los brotes, la epizootia, y enzootia de estas regiones fueron eliminados por la aplicación de las

tácticas radicales y rígidas (supervisión del sistema de capitación, la erradicación de la población a gran escala). Particularmente indicado en la erradicación rápida y con éxito de la PPA en ambos casos, en Cuba, en tres regiones de la URSS y luego, después de medio siglo de problemas mejoró la práctica en Portugal y España (1985-1995.), con alta eficiencia contra epizootias y económicas. A principios del siglo XXI la PPA se mantuvo como un agente enzoótico para la parte subcontinental del contingente africano. y, probablemente, "volvió a sus focos naturales originales estereotipo exótico de la enfermedad esporádica grabada en forma de brotes de diferentes tamaños, principalmente en la región sur de África (Costa de Marfil, Togo, Benín, Nigeria, Congo). Fuera de África, enzoótico, sólo quedaba Italia (alrededor de Cerdeña) donde la PPA está arraigada en las poblaciones de cerdos salvajes.

En la primavera del año 2007, la PPA apareció repentinamente en Georgia. El laboratorio de referencia MEB situado en Reino Unido, diagnosticó en muestras de material patológico obtenido en estos casos, con la ayuda de pruebas de "patrón oro" (aislamiento del virus en cultivo celular, ELISA. PCR) el genotipo del virus PPA II raro, aislado en 1993-2002, que se situó en las regiones orientales de Sudáfrica (Mozambique, Zambia, Madagascar). La enfermedad se ha extendido por todo el país y en forma de brotes de epizootias en los países y regiones vecinas (Armenia, Azerbaiyán, Abjasia, Nagorni y Karabaj y al norte de Irán), lo que confirma la importancia excepcional de la enfermedad en la etapa actual.

Si la aparición ocasional de nuevos brotes de PPA enzoótica en África, en principio, predecible, la enfermedad da un "salto" geográfico a la región de el Mar Negro y a la región Transcaucásica ha provocado un estado de choque de las organizaciones internacionales. En menos de un año, esto es el segundo hecho sin precedentes de la aparición de infecciones emergentes exóticas en el hemisferio norte después de la epizootia de lengua azul que surgió en los Países Bajos en agosto de 2006.

Научная статья №2

РИСК БЕДСТВИЙ И ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

На Третьей всемирной конференции по международной стратегии уменьшения опасности бедствий ООН, которая состоялась в г. Сендай, Япония, в 2015 г., была принята Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015-2030 гг., которая была одобрена странами – членами ООН.

В Сендайской декларации страны мира подтвердили свою приверженность к уменьшению риска стихийных бедствий и повышению устойчивости: «Мы твердо привержены реализации новой рамочной программы в качестве руководства для наращивания наших усилий во имя будущего».

Изменения температуры, характера осадков, уровня моря и другие факторы, связанные с глобальным изменением климата, уже влияют на уровни опасности и усугубляют риски стихийных бедствий. По оценкам, за период с 1960 г. стихийные бедствия обошлись миру более чем в 3,5 трлн долл. США, при этом и развитые, и развивающиеся страны платят огромную цену в форме потерянной производительности, людских потерь и утраты средств к существованию, а также разрушений инфраструктуры. Только сильная приверженность в глобальном масштабе и на высоком политическом уровне может проложить путь к более безопасному и более устойчивому будущему, когда неотъемлемым элементом процесса индустриализации и развития городов будет обеспечение устойчивости с учетом таких факторов, как сейсмические угрозы, затопляемость пойм, прибрежная эрозия и деградация окружающей среды. Сегодня широко признается, что устойчивое развитие недостижимо без снижения опасности стихийных бедствий: в глобальном масштабе только для застроенной среды ожидаемые среднегодовые потери от землетрясений, цунами, тропических циклонов и разлива рек в настоящее время оцениваются в 315 млрд долл. США. И эта цифра была бы еще выше, если включить другие опасности, такие как засухи, и другие секторы, такие как сельское хозяйство. Экономические потери от стихий-

ных бедствий, таких как цунами, циклоны и наводнения, в настоящее время достигают в среднем от 250 до 300 млрд долл. в год.

Ожидаемые ежегодные потери от катастроф оцениваются почти в 314 млрд долл., и это только для антропогенной среды. Практически такую же сумму пострадавшие от катастроф страны должны выделять каждый год для покрытия будущих потерь от стихийных бедствий.

Смертность и экономические потери, связанные с обширными рисками (незначительные, но повторяющиеся риски бедствий) в странах с низким и средним уровнем дохода, растут.

В последнее десятилетие потери из-за катастроф в 85 странах и территориях достигли 94 млрд долл. США.

Для малых островных развивающихся государств (далее по тексту – МОСРГ) потери от бедствий представляют существенную угрозу их развитию. Например, в случае стихийных бедствий МОСРГ по сравнению с Европой и Центральной Азией ежегодно испытывают ущерб в среднем в 20 раз больше. Ожидаемые ежегодные потери в МОСРГ эквивалентны почти 20 процентам их общих социальных расходов по сравнению с 1,19 процента в Северной Америке и менее 1 процента в Европе и Центральной Азии.

Развивающиеся страны и Куба сталкиваются с недостатком дефицита финансирования, нет ресурсов для защиты от редких катастрофических стихийных бедствий.

Многие страны, в том числе Чили, Индонезия, Мадагаскар, Перу и другие, испытывают значительные трудности для сохранения своей финансовой устойчивости при возникновении катастрофических явлений, даже тех, которые повторяются ежегодно, не говоря о тех, которые возникают раз в 100 лет.

RIESGO DE DESASTRES Y ALCANZANDO LOS OBJETIVOS DEL DESARROLLO SOSTENIBLE

En la tercera Conferencia Mundial sobre la Estrategia Internacional de las Naciones Unidas para la Reducción de Desastres, celebrada en Sendai, Japón, el Marco de Sendai para la Reducción del

Riesgo de Desastres 2015-2030 fue adoptado en 2015 y aprobado por los países miembros de la ONU.

En la Declaración de Sendai, los países de todo el mundo reafirmaron su compromiso con la reducción del riesgo de desastres y una mayor estabilidad. "Estamos firmemente comprometidos con la implementación del nuevo marco como guía para aumentar nuestros esfuerzos en aras del futuro".

Los cambios en la temperatura, el carácter de las precipitaciones, el nivel del mar y otros factores relacionados con el cambio climático global ya afectan los niveles de peligro y exacerban los riesgos de los desastres naturales. Se estima que, desde 1960, los desastres naturales le han costado al mundo más de \$ 3.5 billones de dólares estadounidenses, mientras que los países desarrollados y en desarrollo están pagando un alto precio en forma de pérdida de productividad, pérdidas humanas y pérdida de medios de vida, y también la destrucción de la infraestructura.

Sólo un compromiso en una escala global y en un alto nivel político podría allanar el camino hacia un futuro más seguro y sostenible, como parte integral de la industrialización urbana y el proceso de desarrollo será garantizar la estabilidad, teniendo en cuenta factores tales como la amenaza sísmica, inundaciones, erosión costera y la degradación del medio ambiente. Hoy en día se reconoce ampliamente que el desarrollo sostenible no puede ser sin reducción del riesgo de desastres: una escala global sólo para el entorno construido pérdida esperada promedio anual de los terremotos, tsunamis, ciclones tropicales e inundaciones, en el momento actual se estima en 315 mil millones de dólares.

Y esta cifra sería aún mayor si se incluyen otros peligros, tales como las sequías, y otros sectores, como la agricultura. Las pérdidas económicas por desastres naturales, como los tsunamis, los ciclones y las inundaciones, actualmente alcanzan un promedio de 250 a 300 mil millones de dólares por año.

Las pérdidas anuales esperadas de los desastres se estiman en casi a 314 mil millones de dólares. Y esto es solo para el entorno antropogénico. Casi la misma cantidad de países afectados por desastres debería asignar cada año para cubrir pérdidas futuras causadas por desastres naturales. La dimensión y las pérdidas económicas asociadas

con los riesgos extensos (riesgos de desastre menores pero recurrentes) en los países de ingresos bajos y medianos están aumentando.

En la última década, las pérdidas debidas a desastres en 85 países han alcanzado los \$ 94 mil millones. Para los pequeños estados insulares en desarrollo (en lo sucesivo, SIDS), las pérdidas por desastres representan una amenaza significativa para su desarrollo. Por ejemplo, en el caso de los desastres naturales, los PEID, en comparación con Europa y Asia Central, experimentan un promedio de 20 veces más daño cada año. Las pérdidas anuales esperadas en los PEID son equivalentes a casi el 20 por ciento de sus gastos sociales totales, en comparación con el 1,19 por ciento en América del Norte y menos del 1 por ciento en Europa y Asia Central.

Los países en desarrollo y Cuba se enfrentan a una escasez de déficit de financiación, sin recursos para protegerse contra los desastres naturales catastróficos raros.

Muchos países, como Chile, Indonesia, Madagascar, Perú y otros, están experimentando dificultades significativas para mantener su sostenibilidad financiera en caso de eventos catastróficos, incluso aquellos que se repiten anualmente, sin mencionar los que ocurren cada 100 años.

ЛИТЕРАТУРА

Использованная

Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Межд. отношения, 1975. – 239 с.

Будагова Р.А. Введение в науку о языке. – М., 1965.

Быкова И.А. Теория перевода (Когнитивно-прагматический аспект). – М.: РУДН, 2015 – 146 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.К. (I) Лингвострановедческая теория слова. – М.: Рус. яз., 1980. – 253 с.; (II) Язык и культура. – М.: Рус. яз., 1990.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Межд. отношения, 2004.

Виноградов В.С. Введение в переводоведение. – М., 2001.

Гак В.Г. (I) Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. – М.: Межд. отношения, 1977; (II) Лексическое значение // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 261-26; (III) Сравнительная типология французского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1989; (IV) Языковые преобразования. – М. 1998; (V) (Язык как форма самовыражения народа // Межкультурная коммуникация. Практикум. Часть 1. – Нижний Новгород, 2002. – 180 с.

Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. Французский язык. – М.: Межд. отношения, 1997.

Гальперин И.Р. (I) Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 7-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»/URSS, 2009.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Сост. В.В. Петрова; пер. под ред. В.И. Герасимова. – Благовещенск, 2000. – 308 с.

Дридзе Т.М. (I) Язык и социальная психология. – М.: Наука, 1980; (II) Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. № 3. – М., 1996. – С. 145-152.

Караулов Ю.Н. (I) Русский ассоциативный словарь. – М.: Помовский и партнеры, 1994. Ч. 1. – 224 с.; (II) Русский язык и языковая личность. 2-е изд. – М., 2002 (1987).

Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи. – Пермь: Изд-во Пермского госуд. ун-та, 1986.

Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, 1984. – С. 176.3-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2007.

Комиссаров В.Н. (I) Лингвистическое переводоведение в России. – М.: Изд-во «ЭТС» 2002. – 184 с.; (II) Современное переводоведение. – М.: Изд-во «ЭТС» 2004. – 424 с.; (III) Общая теория перевода. М.:ЭТС, 1999-2000; (IV) Лингвистика перевода. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 176 с.

Латышев Л.К. (I) «Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания». – М.: «Наука», 1988; (II) Технология перевода. – М.:НВИ-Тезаурус. 2001. – 198 с.

Леонтьев А.А. (I) Признаки связности и цельности текста // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Горького. – 1976. – Вып. 103. – С. 29-51; (II) Смысловая структура текста и проблемы смыслового восприятия. – М.: Наука, 1976. – С. 11-26; (III) Высказывание как предмет лингвистики, психолингвисти-

ки и теории коммуникации // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – С. 89-111.

Львовская З.Д. Теоретические проблемы перевода. – М., 2002. – 214 с.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – М., 1987.

Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. – М.: Воениздат, 1980.

Нотина Е.А. (I) Фоновые знания переводчика в аспекте когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистических исследований // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2004. – № 1. – М.: Изд-во РУДН, 2004. С. 23-30; (II) Специфика взаимодействия концептуальных систем коммуникантов в условиях опосредованной межъязыковой/межкультурной коммуникации // Университетское переводоведение. Вып. 10: материалы X Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения». – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – С. 399-404.

Почепцов Г.Г. (I) Коммуникативно-прагматические аспекты семантики // Филол. науки. – 1984. – N 1. – С. 30-37; (II) О месте прагматического элемента в лингвистическом описании // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1985. – С. 142-150.

Реформатский А.А. Лингвистические вопросы перевода // Иностранные языки в школе. – 1952. – № 6.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Межд. отношения, 2004.

Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. – М.: Высш. школа, 1987. – 256 с. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»/URSS, 2009.

Черняховская Л.А. Информационные компоненты текста как объект перевода // Тетради переводчика. Вып. 22. – М.: Выс. школа, 1987.

Швейцер А.Д. (I) Перевод как акт межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1999. – С. 19-28 (Тр. МГЛУ; вып.44); (II) Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ» 2009. – 216 с.

Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. – СПб: Симпозиум, 2006.

Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Якобсон Р. Избранные работы. – М., 1985.

Bykova Irina, Notina Elena Communicative equivalence in translation: language, cultural, and cognitive presupposition //(Published Conference Proceedings style) in the 6th Annual International Conference Language, Literature & Linguistics (L3 2017) 2017 Singapore Forum Global Science & Technology (GSTF), pp. 154-158.

Bykova Irina, Notina Elena Cross-linguistic and cross-cultural interaction in professional communication: knowledge and sense dynamics// (Published Conference Proceedings style) in the 6th Annual International Conference Language, Literature & Linguistics (L3 2017) 2017 Singapore Forum Global Science & Technology (GSTF), p. 264-269.

Bykova Irina, Notina Elena Conference on Social Sciences and Arts Vienna, Austria, SGEM, 2017. ISBN 978-619-7105-95-7, ISSN 2367-5659, DOI: 10.5593/sgemsocial2017HB31, p. 51-59.

Catford J. A Linguistic Theory of Translation. – London, 1967.

Dijk T.A. van. Studies in the pragmatics of discourse. – The Hague, 1981. – 320 p.

Green G.M. Pragmatics and natural language understanding. – Lnd: Tawrence Erlbaum, 1989. – 280 p.

Horn L. Pragmatic theory // Linguistics: the Cambridge Survey ed. by Newege Vol. 1. Linguistic theory Foundations. – Cambridge: Cup. 1988.

House Juliane. Translation Quality Assessment: a model revisite. – Tübingen, 1997.

Jäger G.(I) Translation und Translationslinguistik. Halle (Saale), 1975; (II)Die sprachlichen Bedeutungen – das zentrale Problem bei der Translation und ihrer wissenschaftlichen Beschreibung // Bedeutung und Translation. – Leipzig, 1986.

Jakobson R.(I) On Linguistic Aspects of Translation. In R. Brower (ed.) “On Translation”. Cambridge (Mass.), 1959; (II) Linguistics and Poetics // Style in language. Cambridge (Mass.), 1966.

Lyons J. Semantics. – Cambridge, 1977. – Vols. 1, 2. – 520 p.

Mounin G. Les problèmes théoriques de la traduction. – P., 1963.

Neubert A. Text and Translation. – Leipsig. 1985.

Nida E. and Taber C.R. The Theory and Practice of Translation. – Leiden, 1969.

Popovic A. Aspects of Metatext // Canadian Review of Comparative Literary CRCL. – 1976. P. 225-235.

Sartori J. The Towel of Babel//Concepts and Method in Social Science. The Tradition of Giovanni Sartori/ Ed. By D. Collier, J. Gerring. – New York etc.: Routledge, 2009.

Snell-Hornby Mary. Translation Studies – An Integrated Approach. – Amsterdam/Philadelphia, 1988.

Venturi L. Translation and the formation of cultural identities // *Cultural Functions in Translation* /Schafner, C., H. Kelly-Holmes (eds). – Clevedon: Multilingual Matters Ltd., 1995. – P. 263.

Vermeer Hans J. Skopos and commission in translation action // *Chesterman Andrew* (Hrsg). *Readings in Translation Theory*. – Finn Lectura, 1989. – P. 173-200.

Дополнительная

Грязнов Б.С., Дынин Б.С., Никитин Е.П. Теория и ее объект. – М.: Межд. отошения, 1973.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для ин-тов и фак-тов иностр. языков: учеб. пособие. – 5-е изд. – СПб.: Филологический факультет МпбГУ; М.: ООО» Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.

Green G.M. *Pragmatics and natural language understanding*. – Lnd: Tawrence Erlbaum, 1989. – 280 p.

Horn L. *Pragmatic theory* // *Linguistics: the Cambridge Survey* ed. by Newege Vol. 1. *Linguistic theory Foundations*. – Cambridge: Cup., 1988.

House Juliane. *Translation Quality Assessment: a model revisite*. – Tübingen, 11997.

Jäger G. (I) *Translation und Translationslinguistik*. Halle (Saale), 1975; (II) *Die sprachlichen Bedeutungen – das zentrale Problem bei der Translation und ihrer wissenschaftlichen Beschreibung* // *Bedeutung und Translation*. – Leipzig, 1986.

Kade O. *Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Üntersuchung*. – Leipzig, 1980.

Leech J. *The Principles of Pragmatics*. – London and New York, 1983.

Reiss K., Vermeer H.J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. – Tübingen, 1984.

Adil Shaikh, Chetan P Phadke, Farooq Ismail, Chris Boulias. Relationship Between Botulinum Toxin, Spasticity, and Pain: a Survey of Patient Perception // THE NEUROLOGICAL SCIENCES/Can J Neurol Sci. 2016; 43: 311-315 doi:10.1017/cjn.2015.321.

Бокерия Л.А., Сергеев А.В. Предсердные аритмии после хирургического лечения фибрилляции предсердий // Анналы аритмологии, 2014, УДК 616.12-008.313.2-089.168:616.125-008.318 DOI: 10.15275/annaritmol.2014.2.3.

Бобрикова Е.Э., Максимова А.С., Лукьяненко П.И., Антекарь В.Д., Плотников М.П., Гусакова А.М., Усов В.Ю. Возможности магнитно-резонансной томографии с парамагнитным усилением в проспективной оценке атеросклеротического процесса в динамике терапии аторвастатином на примере сонных артерий // Сибирский медицинский журнал. – 2015.– Т. 30. – № 2.

Яриков А.В., Балябин А.В., Яшин К.С., Мухин А.С., Хирургические методы лечения стеноза сонных артерий (обзор) // Хирургические методы лечения стеноза сонных артерий. – 2015. – Т. 7. – № 4. – С. 189-200, doi: 10.17691/stm2015.7.4.25.

ОПИСАНИЕ И ПРОГРАММА КУРСА «ПЕРЕВОД НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ»

Настоящее учебное пособие предназначено для обучения аспирантов в рамках программы «Иностранный язык», реализуемой в Аграрно-технологическом и Медицинском институтах Российского университета дружбы народов.

Цель учебного пособия – кратко изложить центральные положения и понятия теории перевода, особенности моделирования переводческого процесса в рамках научной коммуникации; ознакомить с общими принципами и приемами осуществления переводческой деятельности, дать представление на основе полученных знаний о сложной системе умений и навыков, необходимых переводчику в области профессиональной опосредованной коммуникации.

Учебное пособие состоит из введения, тематических разделов на русском и английском языках (главы I, II и III) тестов, образца переводческого анализа научного текста на примере англо-русской комбинации языков; списка тем докладов и сообщений; краткого словаря переводческих терминов и литературы.

Приведенные в конце учебного пособия тесты позволяют закрепить основной материал по изложенной тематике. Модель переводческого анализа текста на примере англо-русской комбинации языков дает представление о стратегии переводческих действий в процессе перевода научных текстов. Из творческих заданий предлагаются: подготовка тематических докладов, сообщений и презентаций; обсуждение

переводческой проблематики в контексте профессиональной научной коммуникации. Краткий словарь переводческих терминов облегчает приобретение определенного минимума знаний в области предметно-теоретической подготовки и представляет собой эффективный контроль знания и понимания терминологии и ее применение на практике.

Учебное пособие рассчитано на 36 час. аудиторных занятий и 36 час. самостоятельной работы.

В результате обучения аспиранты приобретают профессиональную компетенцию, которая предусматривает знание основных положений современной науки о переводе, умение использовать эти положения при решении практических задач в контексте опосредованной научной коммуникации, а также такие компетенции, как способность и готовность к опосредованной межкультурной коммуникации в профессиональной и деловой сферах общения в рамках учебной дисциплины «Иностранный язык» аспирантуры.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. СУЩНОСТНЫЕ ПРИЗНАКИ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРЕВОДА	5
Перевод и научная коммуникация	7
Концептуальные основы перевода	12
Ключевые понятия перевода	14
Трансформации	16
CHAPTER II. TRANSLATION: CONCEPTUAL UNDERSTANDING	20
Summary	20
Scientific communication through the prism of translation	24
ГЛАВА III. ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА НА ПРИМЕРЕ АНГЛО-РУССКОЙ КОМБИНАЦИИ ЯЗЫКОВ	28
Темы докладов и сообщений	45
Тесты	47
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Краткий словарь переводческих терминов	49
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Общие задания к приложениям 2 и 3	56
Образцы переводов аннотаций научных статей	57
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Образцы переводов научных статей	69
ЛИТЕРАТУРА	78
ОПИСАНИЕ И ПРОГРАММА КУРСА «ПЕРЕВОД НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ»	85

Учебное издание

**Ирина Александровна Быкова
Елена Александровна Нотина
Валентина Эрдниевна Улюмджиева**

ПЕРЕВОД НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Редактор *Ж.В. Медведева*
Технический редактор *Н.А. Ясько*
Компьютерная верстка *М.Н. Закиной*
Дизайн обложки *Ю.Н. Ефремовой*

Тематический план изданий
учебной и научной литературы 2017 г., № 46

Подписано в печать 03.05.2018 г. Формат 60×84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,5. Тираж 200 экз. Заказ 1972

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. (495) 952-04-41